

А. "К." Горбов

ПСИ

Александр Горбов

Пси

Александр "Котобус" Горбов

2022

Горбов А. «.

Пси / А. «. Горбов — Александр "Котобус" Горбов, 2022

Представь себе, что становишься телепатом. Ты почти как супер герой из голливудского фильма. Здорово, правда? Только если тебя не заметит государство, не терпящее конкурентов. Оно растопчет тебя и запрет в лагерях ментальной безопасности. Что ты тогда будешь делать? Сможешь ли бороться? Или окончательное решение вопроса телепатов состоится?

© Горбов А. «., 2022

© Александр "Котобус" Горбов, 2022

Содержание

Часть 1. Цветы полыни	5
«Блудный пасынок», часть 1. Сейчас	5
«Искушение собой», часть 1. Три года назад	14
«Блудный пасынок», часть 2. Сейчас	20
«Искушение собой», часть 2. Два с половиной года назад	24
«Блудный пасынок», часть 3. Сейчас	29
«Искушение собой», часть 3. Два года назад	34
«Блудный пасынок», часть 4. Сейчас	39
«Искушение собой», часть 4. Два года назад	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр «Котобус» Горбов

Пси

Часть 1. Цветы полыни

«Блудный пасынок», часть 1. Сейчас

За грязным стеклом тамбура летели пригороды: домики, бетонные заборы в цветных кляксах граффити, серые корпуса с пустыми окнами. На промелькнувшей платформе душный июльский ветер гнал пыль. Поверх пейзажа плыло отражение: изможденное лицо, в тридцать лет выглядящее на все сорок. Сигаретный дым колыхался вокруг головы нимбом. Еретическая икона «Возвращение блудного пасынка», стекло, пепел.

Андрей приоткрыл дверь между вагонами и кинул окурок на мелькающие в просвете шпалы: бесконечная лестница, и не ясно, спускаешься ты или идешь вверх. Сплюнул и пошел обратно в вагон. У туалета старушка в домашнем халате препиралась с толстой теткой в форменном кителе. Разморенная жарой проводница крутила на пальце ключи и запрещала справлять нужду в страшной «санитарной зоне».

Натужно улыбнувшись обеим, Андрей боком двинулся между женщинами. Проводница качнулась к нему необъятным бюстом и шаловливо подмигнула. Ресницы у нее были слипшиеся от туши, а вокруг витал крепкий дух вчерашнего алкоголя и мятной жвачки. Отвечать на взгляд не хотелось.

– А мне надо! Срочно! – в очередной раз взвизгнула старушка.

– Женщина, я же сказала...

Не желая ни слушать спор, ни заводить близкое знакомство, он прошел дальше.

Плацкартный вагон ударил в нос запахами пота, несвежей еды и грязных носков. Стараясь не задевать торчащие в проходе ноги с желтыми пятками, Андрей добрался до своего места. Проснувшиеся соседи завтракали, оккупировав столик между нижними полками. Мятые пластиковые бутылки с чем-то мутным, воняющий кислым пакет с солеными огурцами, разложенные на газете вареные яйца, похожие на вынутые глаза. Ободранный остов курицы, стыдливо прикрытый салфеткой. И косые взгляды попутчиков.

Не обращая на них внимания, Андрей полез на свое верхнее место. Улегся на полосатый матрас без простыни. Отвернулся к стенке. Запахи одновременно вызывали голод и тошноту. Глаза закрылись сами, толкая в привычное оцепенение.

В темноте под веками царила беспросветная тоска и мучительное чувство отрубленной третьей руки. Много хуже, чем голод, брезгливое отношение окружающих и откровенная ненависть.

Он не ощущал эфир. Совершенно. По венам раскаленным металлом перекачивался блокатор. Отупляя, вытравливая надежду, убивая чувства. Лоб над переносицей привычно отзывался молчащей пустотой и болью. Только шумел не настроенным радиоприемником нижний «спектр».

К этой глухоте Андрей уже притерпелся. ЛИМБ заставит смириться любого. А тех, кто не захотел и воспротивился, давно спалила двойная доза блокатора и приняли разверстые рты казенных могил под табличками с номерами.

Поезд тяжело прогрохотал сцепками, дернулся последний раз и остановился. Вагон наполнился шумом и гомоном. Люди собирались, вытаскивали чемоданы с багажных полок, толкаясь и матерясь пробирались к выходу.

В спину Андрея больно ткнулся тупой угол чемодана. Он даже не пошевелился. Лежал и уговаривал сам себя встать.

Безвременье дороги закончилось. Он вернулся. Как будто не было этих двух лет ужаса и ломающей изоляции. Только идти больше было некуда и незачем. За чертой Постановления № 2217 остались друзья, еще живые родители, знакомые. В той, прошлой жизни, когда все начиналось, Андрей и такие, как он, радовались и смеялись над «глухими». Но судьба любит наказывать самонадеянных – им пришлось поменяться местами.

Вагон опустел, и он сполз со своего места. Достал стоптанные туфли, закинутые соседями в дальний угол под нижней полкой. Злости на попутчиков не было, главное не лезли с вопросами и разговорами.

Он взялся за рюкзак, собираясь закинуть тощий мешок на плечо и замер. На мгновение показалось, что ткань под пальцами течет расплавленной обжигающей пластмассой. Всего на секунду, но этого хватило испортить настроение окончательно. Он точно знал, что будет дальше – стальная коробочка на предплечье зажужжит, по-садистски медленно вколет толстую иглу и липкий холод потечет в руку.

Пронесло. Механизм контроллера не проснулся, невидимый поводок не натянулся, позволяя рабу погулять еще чуть-чуть. Андрей медленно выдохнул, чувствуя как ноет лоб над переносицей – пси-масса рассерженно дернула прутья клетки и успокоилась. Подхватив рюкзак, он поспешил к выходу.

Перрон уже опустел. Только вдалеке муравьями тянулись к вокзалу пассажиры. Мимо прогрохотал тележкой носильщик с испитым лицом, так и не нашедший клиентов. Вопросительно глянул на одиноко стоящего мужчину и, не получив ответа, покати́л дальше.

Андрей глубоко вдохнул прохладный, чуть горький воздух. И чуть не задохнулся от накатившего ощущения свободы. Призрак ЛИМБа, стоявший за спиной всю дорогу, хлопнул по плечу и растаял в розовом утреннем свете. Чудилось, что ничего не было: ни «Времени чудес», ни страшного «Падения» в самую преисподнюю. Он просто вернулся из отпуска, или командировки. Уставший, но счастливый и полный сил. Даже пыль и городская копоть упоительно пахли домом и простым человеческим счастьем. Так остро, что хотелось заорать во все горло. Упасть на колени, поцеловать асфальт и обнять этот грязный перрон, как самого близкого друга.

Дрожащие пальцы только с третьей попытки чиркнули колесиком зажигалки. Андрей закурил, прикрывая ладонью пламя. Нужно было успокоиться, взять себя в руки, не дать сорваться. Или будет нарушение режима, четвертый параграф, вонючие нары, изоляторы и снова ЛИМБ. Он уже видел таких, слетевших с катушек и загремевших на второй круг.

Сигарета дотлела, обожгла пальцы и полетела на рельсы. Он поправил рюкзак и пошел к вокзалу.

– Добрый день.

Двое в одинаковой форме подкараулили его в конце перрона. У правого на лице застыла смертельная скука, а левый все время «подмигивал» нервно дергающимся веком.

– Ваши документы, пожалуйста.

Рука, не слушаясь, нырнула во внутренний карман.

– Вот.

Справка об освобождении, напечатанная на серой бумаге, перекочевала в руки левого. Пока он вчитывался в закорючки, правый пялился на Андрея. В глазах полицейского стояла плохо прикрытая злость.

– Психот? – Левый, наконец, оторвал взгляд от бумажки.

– Что? – Андрей не сразу сообразил. – А, да. Так точно.

Правый дернул рукой, словно собирался достать пистолет из кобуры на боку. Андрею вдруг стало легко и свободно. Захотелось броситься на него и зубами рвать этого «глухого». Пусть стреляет. Пусть! Лучше сдохнуть, но показать этим сволочам...

– Пройдемте, гражданин Вереск.

– Зачем?

– Пробьем вас по компьютеру. На справке печать смазана.

Веко левого перестало дергаться. Во взгляде сквозила холодная казенщина и скука.

– Хорошо, если надо... – Запал Андрея стух так же быстро, как и появился. Главное, не дать себя спровоцировать. Не для того он ехал сюда, чтобы пропасть на первом же посту.

Вокзал повернулся боком, открывая входы в нутро служебных помещений. Узкий темный коридор за дверью с табличкой «Опорный пункт. Полиция» почудился кишкой.

«Прямой кишкой, – уточнил сам для себя Андрей. – Это очередная задница, дружок, – и добавил, – перманентная».

На затылок рухнул тяжелый удар, и бетонный пол милостиво принял Андрея в пыльные объятия. Град пинков и тумачков посыпался на жертву. Ботинок, дубинка, дубинка, снова ботинок. Он сжался, подтянул ноги к животу и закрыл голову руками. Краем глаза успел заметить – бьет его правый, а второй, с ненавистью во взгляде, стоит и смотрит. Скучно смотрит, как на льва-людоеда, оказавшегося на проверку полевой мышью.

Андрею показалось, что из далекой глубины на него смотрит Захаров. Качает головой и шепчет о том, как глупо сдохнуть сразу после выхода на свободу.

– Хватит.

Сухой голос оборвал мучения.

– Погуляйте пока.

Топот уходящих ног звучал, как пение райского хора. Но внутри, под раскаленной лавой блокатора, ворочалась потревоженная пси-масса. Рычала запертым зверем, изгибалась волнами, рвалась наружу. И Андрей был впервые благодарен инъекции блокатора.

– Давай, тащись сюда, доходяга.

Пришлось волей-неволей подниматься. В комнате, до которой оставалось полтора шага, за массивным столом сидел человек с бесцветными глазами. Мятая форма на нем топорщилась углами, в унисон с темными морщинами на лице хозяина. Одинокие майорские звездочки презрительно блеснули медью на Андрея.

– Документы.

Справку майор читать не стал. Поднял ее двумя пальцами и придирчиво осмотрел на свет.

– Регистрационную карточку.

Пластиковый квадратик с красной полоской лег на стол.

– Контроллер?

Андрей расстегнул пуговицу на рукаве и задрал ткань, показывая край металлической коробочки, намертво пристегнутой к предплечью.

– Местный?

Андрей кивнул.

– Женат?

– В разводе.

– Родные есть?

В ответ Андрей только скривился. Отчего шрам, рассекающий нижнюю губу, вздулся белым червяком.

– Понятно... В общем, смотри сюда, Вереск. Становишься на учет сегодня же. Лучше прямо сейчас туда иди. Вот адрес. Там тебе все правила объяснят. Сразу ищи работу и жилье, или поедешь обратно как антисоциал. Понял?

– Угу.

– Все, вали. И без тебя дел полно.

У двери Андрей обернулся.

– Спасибо, майор.

– Исчезни уже. И пацанам моим не попадайся, покалечат.

Майор дождался, пока психот выйдет, и устало потер глаза. Будто в надежде получить молчаливое одобрение, искоса посмотрел на фотографию в рамке на краю стола. На ней весело улыбалась женщина с тонким профилем и яркими зелеными глазами. Андрей, наверное, не смог бы ее вспомнить. Она сгорела от первых версий блокатора два года назад.

«Пацаны» майора были заняты – с безгловыми выражениями на лицах выпроваживали из обшарпанного зала ожидания бомжа. Андрей проскользнул за их спинами и вышел на привокзальную площадь.

Город, родной и знакомый с детства, остался прежним. И в тоже время разительно изменился. Вместо чебуречной, где в чадном жару седой дядька Вагиз жарил вкуснейшие пирожки на свете, теперь стоял магазин телефонов. Темные экранчики, как глаза насекомых, холодно пялились из витрины. Словно здоровенная муха, проглотившая кусочек прошлой жизни. Там где раньше был сквер, с десятком чахлах березок и тремя скамейками, теперь высилось уродливое офисное здание, отражающее стеклами грязный тротуар. И тут же, рядом, непоколебимым столпом, удерживающим само мироздание, стояла древняя афишная тумба. Как и годы назад залепленная яркой рекламой.

Смешение знакомого до боли и совершенно нового, чужого, вызывало приступ головокружения и тошноты. А память-шутница издевалась, подсовывая уже несуществующее, обманывая мороком ложного узнавания, от чего становилось обидно и тоскливо. Как будто вернулся после долгой отлучки, а родительский дом продан, и в нем орудуют чужие люди.

Андрею мучительно захотелось напиться. Вдрызг. До пьяных слез и невнятного мычания. Сорвать контроллер, растоптать ненавистные ампулы, вымыть заразу блокатора из крови. Гигантскими крыльями развернуться в спектре эфира. И черным ветром выплескивать накопившуюся озверевшую пси-массу. Чтобы они поняли, каково это – держать в себе на привязи ураган.

Пальцы автоматически сложились в щепоть и больно ущипнули за бедро. Привычка, которую вбил в него Иван в первые месяцы в ЛИМБе. Сразу стало легче. Андрей мысленно обругал себя за срыв: какой смысл сгореть так глупо? Можно было красиво уйти гораздо раньше, например, при задержании. Или во время страшного «черного бунта». А теперь поздно и бессмысленно. Надо жить дальше, а не изводить себя сожалениями.

Город вспомнил потерянного пасынка и перестал морочить, водя по кругу. Теперь, даже не подглядывая в бумажку, выданную майором, Андрей знал, куда идти. Серое здание, где разместился Комитет Ментальной Чистоты, прозванный в народе ЧиКа, нашлось без подсказки. Здесь, в прошлой жизни, был ЗАГС, где он сначала расписался, а позже развелся со Светой.

Львы на ручках тяжелых дверей скалили на посетителей печальные морды. Когда-то отполированные тысячей рук до блеска, теперь звери покрылись темной патиной. Дверь устало скрипнула и распахнулась с тяжелым вздохом. Охранник, скучающий над сканвордом около турникета, выдал пластиковый одноразовый пропуск. И опять нырнул в лабиринт клеточек с буквами. Андрей мельком заглянул туда – слова большей частью были написаны с ошибками, но по странной прихоти случая подходили друг к другу.

– Второй этаж, восьмой кабинет.

Охранник ткнул пальцем в сторону лестницы, ревниво пряча журнал с головоломкой.

Возле нужной двери, по-над стенкой выстроилась короткая очередь. Небранный мужичонка с затравленными больными глазами. Надменная грузная дама в безвкусной шляпке. И бледный субтильный очкарик, мнувший в руках цветастый пакет.

Андрею не нужно было заглядывать в спектры эфира, чтобы понять, кто перед ним. «Незамазавшиеся». «Иуды». «Холодные». Те, кто почувствовав наступление первого «заворота» побежали в ЧиКа вставать на учет и надевать контроллер. Давным-давно он жалел их, до хрипоты спорил, доказывая необходимость вернуть этих заблудших овец, показать им всю прелесть эфира. Пока он не узнал: «холодные» каким-то звериным чутьем чуяли полноценных психотов. И что обиднее всего, сотрудничали с ЧиКа, добровольно принимая участие в рейдах. Он возненавидел их с той же страстью, с которой защищал.

Все трое повернулись на звук его шагов. Очкарик поперхнулся, закашлялся и стал из белого красным. А женщина, словно поддерживая равновесие, побледнела. Липкий, как растаявшая карамелька, страх лился из них, наполняя воем куцый нижний спектр. И только боль в глазах небритого стала явственной и безнадежной. Андрей отвернулся, оперся о стену и прикрыл веки.

Чтобы успокоиться, Андрей стал крутить в уме «четки». Верхний спектр – кудель – ледяная арфа – фиолетовый – ветер – средний спектр – многорукий Шива – ангельские крылья – желтый – вода – нижний спектр – яма змей – пылающее железо – красный – индиго – глина – горячий карбункул. И снова по кругу, завивая пси-массу в кольца. Кто придумал странное упражнение? Как догадался, что этот набор образов приводит пси-массу в стабильное состояние? Уж точно не официальные врачи.

Дверь в очередной раз хлопнула. Он открыл глаза – на лестнице мелькнула клетчатая рубашка очкарика. В коридоре больше никого не было. Помедлив немного, Андрей коротко постучал и распахнул дверь, как прыгнул в ледяную прорубь.

Кабинет оказался больше похожим на женский будуар, чем на место работы инспектора ЧиКа. Десятки зеркал смотрели на посетителя со всех сторон. Маленьких и больших, ровных как водная гладь и выпуклых, как глаза уродцев, круглые, овальные, квадратные. Они сбивали с толку, приводили в растерянность, разваливали выставленную слабую защиту.

– Проходите, мужчина.

В глубине комнаты за монументальным столом восседала худая женщина в форменном черном кителе. Узкое лицо с острыми, как бритва чертами, тонкие губы. Очки в хромированной оправе казались занесенным для удара скальпелем.

– Присаживайтесь.

Стул с неудобной жесткой спинкой был намертво привинчен к полу. Присев на него, посетитель оказывался в новом фокусе зеркал. Стоило пошевелиться, как тени в них начинали метаться, многократно отражаясь и сплетаясь друг с другом.

Андрей сначала подумал, что это такой хитрый психологический ход: устроить человеку некомфортную среду, заставить сидеть не двигаясь, чтобы лишний раз не будить вокруг себя мельтешение, вызывающее тошноту. Но почти сразу вспомнил старый, еще времен до блокатора, предрассудок. Считалось, что зеркала мешают работать психоту. Он вряд ли забудет: после ареста, избитого до полусмерти, его притащили на допрос в подвале Синего дома. Вокруг, точно так же, как и сейчас, стояли зеркала. Отражая синее, в темных разводах лицо. Тогда, сломанный, разбитый, он не решился бы даже слушать эфир, и зеркала были совершенно ни при чем. А сейчас просто не мог: ему не нужна была борьба и месть, пусть все они оставят его в покое и дадут просто жить.

– Документики давайте.

Сбоку, верхом на кресле, появился коротконогий толстяк. Отталкиваясь носками туфель, он подъехал к Андрею и забрал справку и конверт с бумагами из ЛИМБа.

Перебирая короткими ногами, пухлый чикист запустил кресло вместе с собой в сторону стола. Как заправский гонщик, ловко затормозил с разворотом. Плюхнул бумаги перед дамой и что-то зашептал ей на ухо. Та прыснула в кулачок. Стрельнула взглядом на Андрея и напустила на себя серьезный вид.

– Так, так... – Женщина за столом вскрыла конверт и принялась читать.

А мужчина, крутя на жирном пальце обручальное кольцо, вперился в посетителя. Маленькие крысиные глаза буравили посетителя с брезгливым интересом.

– Вереск Андрей Николаевич. Психот. «Горячий», уровень пять. Два года в Лагере Изоляции Ментальной Безопасности № 1 на принудительном лечении. Поведение примерное, предупреждений не имеет.

Дама искоса бросила взгляд на толстяка. Тот, не поворачиваясь, еле заметно кивнул.

– Поздравляем вас, гражданин Вереск, с возвращением к нормальной жизни. Весьма надеемся, что вы проявите благоразумие и гражданскую ответственность. В ближайший год вам предстоит находиться под усиленным режимом наблюдения. Своевременное посещение комитета будет являться залогом вашей лояльности.

Андрею захотелось сплюнуть. От казенных слов, не имевших ничего общего с реальностью, во рту стоял вкус горького металла.

– Должна предупредить, – продолжала чикистка, – несоблюдение дисциплины заканчивается плачевными последствиями. Нарушение предписанного режима автоматически подводит вас под действие третьего параграфа. Он вам известен, не так ли?

Отвечать не требовалось, она прекрасно знала – каждая строка вызубрена и выжжена каленым железом.

– Надеюсь, вы будете благоразумны.

Женщина улыбнулась, как голодная безобразная рыба.

– Валерий Григорьевич, прошу вас.

Толстяк снова подкатился на кресле к посетителю.

– Руку.

Непослушными вспотевшими пальцами Вереск закатал рукав клетчатой рубашки. На предплечье, уцепившись, как паразит, впился стальными браслетами в кожу контроллер. В узком смотровом окошке паучьими яйцами виднелись ампулы. Адская смесь блокатора оставалась только в половине.

Чикист крепко обхватил пальцами его запястье над чертовой машинкой, притянул к себе и вперился в контроллер взглядом.

– Так-с, посмотрим.

В руке толстяка возникла помесь отвертки и ключа с маленьким экранчиком и светящимися зеленым клавишами. Металл прибора противно царапнул по корпусу контроллера и фигурная головка провалилась в узкую щель.

Пшыыык!

Больно не было. Андрей с удивлением смотрел на руку, избавленную от оков. Мелкие точки от игл, делающих инъекции, по воле шутника инженера, складывались в грустную рожицу. Он сжал пальцы и снова распустил их, наслаждаясь чувством свободы.

– А-а-а-а-гх-х.

Андрей с трудом выдохнул, хрипя пересохшим горлом. Толстяк, отъехавший на своем кресле к стене и прятая снятый контроллер в сейф, обернулся и снисходительно ухмыльнулся.

– Приятное чувство, не правда ли?

– Валерий Григорьевич, выдайте ему эриннию. – Дама гаденько улыбнулась.

Снова подкатившись на кресле к Андрею, чикист защелкнул на его запястье стальной браслет с тяжелой бляхой.

– Маяк, – пояснил он, подмигнув, – чтобы мы всегда знали, где вас найти. После года примерного поведения можете подать заявление на режим надзора без него.

– Вот ваш график инъекций.

Толстяк протянул сложенный вдвое листок. На белой хорошей бумаге раздавленными червями ползли строчки плохой ксерокопии, с серой полосой посреди листа. Вереск пробежал взглядом даты.

– Раз в неделю?

– Да, конечно. Для блокации дозы хватает на семь-восемь дней. Что вас удивляет?

– Но ведь там... – Голос Андрея сорвался на булькающий шепот. – Нам... Каждый день! Контроллер!

Словно смутившись, дама отвернулась, пожав губы. А толстяк скривился и похлопал его по плечу.

– Это необходимая мера для строгорежимных. Тяжело, да, но воспитательный эффект позволяет вернуться к нормальной жизни.

Резким движением чикист приблизился к Андрею почти вплотную, обдав запахом одеколона и коньяка.

– Вы ведь хотите вернуться в общество? Хотите?

– Д-да. – Он выдавил из себя ответ через силу, скорее по привычке, так же, как старался не конфликтовать в ЛИМБе.

– Вот и отлично. Ждем вас через неделю. Постарайтесь не опаздывать. Три нарушения, и вы рискуете попасть под действие третьего параграфа.

Толстяк окинул посетителя взглядом, остался доволен результатом и махнул рукой.

– Можете идти.

На ватных ногах Андрей вышел в коридор и уперся лбом в стену. В горле застыл комок со вкусом желчи. Раз в неделю, значит. Воспитательные меры. Перед ним стояли десятки лиц. Тех, кто сгорел, не выдержав ежедневных инъекций. Мертвые дети жестокой педагогики.

Улица встретила его шумом и поднявшимся ветром. Не в силах успокоиться, Андрей закурил, прикрываясь полкой куртки. Вкус дешевых сигарет показался спасительным убежищем. Затяжка, еще одна, выдохнуть вонючий дым через ноздри. Нужно всего лишь пережить этот момент. Так же, как делал последние два года, изо дня в день.

– Вы, я видел вас там. Вы же «горячий», да?

Голос очкарика из очереди перед дверью заставил вздрогнуть. Молодое лицо «холодного» кривилось в болезненной гримасе. Каждое слово выходило скрипучее, с обгрызенными окончаниями. Словно юноша перенес инсульт и не оправился до конца.

– Что?

– Вы ходили туда? Видели ее? Она страшная женщина. Так смотрит, кажется, сейчас вытащит нож и полоснет по горлу. Да? Каждый месяц вызывает. Говорит, что я тварь неблагодарная. И смотрит, смотрит. Как будто я виноват.

Шлепая губами на каждом слове, очкарик брызгал слюной. Андрей отступил, вытирая рукой щеку.

– Что тебе надо?

Не слыша вопроса, юноша схватил его за рукав. Пересохшие колодцы глаз очкарика пугали безумием.

– Я давно хотел поговорить с «горячим». Расскажите. Я хочу знать. Это больно? Мне говорили, что заворот открывает человека, как консервную банку. Правда? Я тоже хотел, думал спрятаться, не ходить к ним. Даже сумку собрал на дачу поехать. Тут рядом, никого нет. Меня бы никто не нашел.

Речь сумасшедшего становилась все не разборчивее, превращаясь в шепелявое бормотание. Пальцы цеплялись за одежду Андрея, как за спасительный круг.

– Родители не дали. Сказали – надо быть, как все. Это же хорошо? Да? Я поверил, сходил. Резко дернув руку, Андрей освободился от неприятных, навязчивых прикосновений.

– Я спешу, некогда разговаривать.

Спятивший очкарик не отставал. Наоборот стал подходить еще ближе, заглядывать в глаза, старался прикоснуться. Можно было подумать, что несчастный воспылил однополой страстью, но в его действиях не было и капли эротики или желания.

– Дай мне ее! Поделись!

– Кого?

– Тебе она не нужна! У тебя она под блокаторм, она страдает. Дай! Хоть кусочек, мне!

Не размахиваясь, Вереск ударил раскрытой ладонью очкарика в лицо. Сумасшедший дернулся и упал навзничь. Не дожидаясь, пока он поднимется, Андрей развернулся и почти побегал прочь. Вслед неслась ругань вперемешку с жалостливыми возгласами.

Старый дребезжащий троллейбус неспешно тащился через город. Андрей, совершенно выбитый из равновесия, пялился в окно, радуясь каждой узнаваемой детали, запоминая появившиеся здания, свыкаясь с новым обликом старого знакомого.

– Остановка «Университет», – каркнул хрипчатый динамик.

За деревьями уродливыми валунами поднимались обшарпанные корпуса, где прошли самые беспечные годы жизни.

«Вереск, расскажите мне теорему Больцано-Коши. Только не мямлите, как в прошлый раз, давайте четкий ответ». – Голос старенького профессора щелкнул бичом укротителя будто в живую. Да, было время! И ведь до сих пор он мог без запинки рассказать эту чертову теорему. «Пусть дана непрерывная функция...»

Андрей улынулся и оттаял. ЧиКа? Ерунда! Он будет дисциплинированно ходить каждую неделю. Самое главное – он свободен. Свободен! Пусть его держит поводок, он может делать, что хочет, идти, куда пожелает, есть, что выбрал сам, улыбаться девушкам на улицах, напиться, лежать, когда вздумается, не спать ночами, читать по собственному выбору, писать в интернете.

– Мужчина, вы будете выходить?

Раздраженная кондукторша нависла над Вереском.

– Заснул, что ли? Конечная.

Не вступая в диалог, Андрей подхватил рюкзак и вышел из троллейбуса.

Здесь, в отличие от остального города, ничего не изменилось. Та же остановка из металлических труб, окрашенная зеленой краской в десяток слоев. Тот же круглосуточный ларек, куда он тысячу лет назад бегал за паленой дешевой водкой. Здание поликлиники пялилось в пустоту слепыми окошками. Окурки, разбросанные вокруг монументальной урны, кажется, тоже были те же самые. Время застыло в этом медвежьем углу, не собираясь меняться в ближайшую вечность.

Петляя среди угрюмых девятиэтажек, можно было найти следы всех промелькнувших эпох. Как ил оседает на дно омута, так осколки десятилетий впаивались в местную реальность. Черные от старости пустые голубятни, чьи хозяева давно канули в лету. Машины из прошлого века, прогнившие, источенные ржавчиной, медленно врастающие в землю. Новенькие иномарки, еще не знающие, что их ждет та же судьба. Лавочки у подъездов, где днем несут вахту старухи без возраста, а ночами бдит молодой караул с бутылками пива и осыпавший пространство шелухой от семечек. Скрипучие качели с оторванными сиденьями. Кусты сирени – весенние жертвенные агнцы. Песочницы без песка. Асфальт, расчерченный мелом для игры в классики. Можно было представить, что последние несколько лет просто растворились без следа. И попробовать жить заново.

Электронный замок, железный сторожевой пес, неприветливо мигал красным глазом. Андрей нажал «три», «пять», «восемь», «девять», надеясь, что комбинация осталась прежней. Страж пискнул и моргнул зеленым.

Темный подъезд, где лампочка не работала от создания мира, пах застоявшимся табачным дымом и сгнившими яблоками. Почти родная дверь с неизменной пластиковой единицей на облезлом дерматине. Как всегда, не работающий звонок, висящий на проводе.

Открыли не сразу. Где-то далеко внутри шаркали шаги. Что-то бубнили голоса. И на Андрея веяло давно забытым чувством дома и сладостного ожидания. Вот сейчас откроют, и можно сказать – «Ага, не ждали! Ну-ка, где тут у вас пиво? Дайте-ка освежить горло».

Дверь распахнулась. За порогом стояла рано постаревшая женщина с темными кругами под глазами. Худая и осунувшаяся.

– Андрюшка... – Она отступила, зажав рот ладонями.

– Это я, Хельга. Я вернулся.

«Искушение собой», часть 1. Три года назад

– Это Хельга.

Она поздоровалась по-мужски, за руку. Фальшивая рыжесть волос, свитер жуткой расцветки на три размера больше, на запястьях браслеты, фенечки, нитки с бисером. Экзальтированная руководительница литературного кружка, в который Андрея затащила Светка. «Приобщиться к современной культуре», по ее выражению.

– Мы сегодня недолго. Светик, давай после ко мне? Бусинка мне такой мед привезла, чудо! Мне с тобой кое-что обсудить надо. Хорошо? Вы посидите, послушайте. Я сегодня читаться не буду, может из ребят кто-то интересное принес.

Литераторы Андрею не понравились. Каждый что-то заунывно бубнил, остальные хлопали и восхищались. Скучный сеанс взаимного поглаживания. «Кукушко-петушко петтеинг», – как выразилась Светка. Он с трудом дождался окончания заунывных чтений.

– Даже не думай отказаться. Ко мне. Заодно мальчика твоего посмотрю. – Хельга окинула пронзительным взглядом Андрея. – Ты же давно хотела его показать.

Они оказываются соседями. Десять минут прогулочным шагом, не больше. Квартира новой знакомой произвела странное впечатление: захламленная, со старым осыпающимся ремонтом, но в тоже время уютная и с особой атмосферой. И множеством странных личностей, непонятно как помещающихся в трех комнатах.

– Хеля! Хеля, ты мне купила пряников? – кричит кто-то, стоило им появиться на пороге.

– Кто видел мои тапочки? – гремит тяжелый бас из ванной.

– Всем замолчать! – визжит женский голос. – Я буду петь!

Хельга развела руками и подмигнула со значением.

– Идите на кухню. Я сейчас сумку брошу и сделаю чай.

На кухне парочка играла в карты. И судя по смеху и тому, как быстро они сбежали, игра шла на раздевание. Кажется, девушка выигрывала.

– Да уж, – Андрей покачал головой, – странное место.

Светка хитро улыбнулась и, не дожидаясь хозяйки, поставила чайник.

– Тебе понравится. Расслабься и получай удовольствие, как от необычного приключения. Это самое удивительное место в городе.

Андрей с опаской присел на табуретку. Провел пальцем по клеенке на столе и недовольно поморщился. Наводить чистоту здешние обитатели не любили.

– Не вредничай. – Светка потрепала его по макушке. – Главное, тут атмосфера хорошая.

– Угу.

Андрей вытащил пачку сигарет и пододвинул к себе переполненную пепельницу. Какой-то шутник целенаправленно втыкал туда окурки, пытаясь выложить цветок. Ядовитую хризантему на могилке здорового образа жизни.

– Не скучали без меня?

В кухню ворвалась Хельга и заметалась по комнате птицей: распахнула форточку; что-то убрала в шкаф; выбросила окурки в мусорное ведро; достала из холодильника тарелку с блинами, с подсохшими по краям и завернувшимися, как свитки древней рукописи.

– А мед весь сожрали, представляешь? Но у меня где-то варенье было, яблочное.

Банку с ним тоже не нашли. Чай сели пить с твердыми, как гранит, сушками. Андрей кинул одну в чашку и ложечкой гонял по кругу, исподтишка наблюдая за хозяйкой, болтающей о каких-то своих, непонятных ему, делах со Светкой.

– Кажется, наш мужчина заскучал.

Хельга отставила пустую кружку и потерла ладони, словно собралась пообедать гостем.

– Посиди в комнате, Светик, пока я твоего мальчика посмотрю. Хорошо?

Девушка кивнула, подмигнула мужу и выпорхнула из кухни.

– Не бойся, не съем! – Хельга засмеялась и встала, чтобы налить себе еще чая. – Ты ведь все равно не веришь в эзотерику, тонкие миры, ауру и прочее? Я угадала?

– Не верю. – Андрей пожал плечами, выловил ложечкой сушки и попробовал раскусить.

– Правильно, нечего в эту хрень верить. Каждый гуру мнит себя пупом земли, выдумывает ерунду, а последователи потом копыя ломают, у кого правда правдивее.

– Я, в принципе, материалист.

– Еще лучше! Тогда просто считай это блажью одинокой женщины, решившей позаигрывать с мужем подруги. Договорились? Вот и ладненько. Дай левую руку.

– Линия жизни у меня длинная, – усмехнулся Андрей, протягивая ладонь.

– Да? Ну и хорошо.

Она провела кончиками пальцев от запястья вниз до подушечек и накрыла ладонь своей. Глубоко вдохнула, закрыла глаза и замерла, как дайвер, опускающийся в темную глубину.

Мгновения, как пузырьки воздуха, лопались одно за другим. Тик-так, отщелкивали секунды, как костяшки древних счет, часы на руке. Молчала странная женщина напротив. Молчал Андрей. Ладонь Хельги сделалась горячей, невыносимо тяжелой, как расплавленный свинец. На миг Андрею почудилось – в ответ на жар внутри пробудилось что-то, отмахнулось тяжелой лапой и глухо рыкнуло.

– Ай! – Хельга отдернула руку. – Фу таким быть.

Она с укором покачала головой.

– Притворился паинькой, а сам еще тот гусь.

Андрей пожал плечами. Ему уже поднадоела эта игра.

– Не пробовал заниматься какими-нибудь практиками? Осознанными сновидениями или чакры развивать? У тебя бы получилось.

– Ерунда. Я не верю в эту муть.

– Жаль, очень-очень жаль. Хочешь узнать, что я увидела?

– Не очень.

– Ах, так, Фома-неверующий! Ладно. Я тебе докажу.

Хельга ткнула его в грудь указательным пальцем.

– Если я тебе приснюсь, ты согласишься? А? Только не сегодня, а, скажем, через неделю. согласишься?

– Не приснишься.

– А вот и да! Спорим? Обещай, что тогда придешь в гости еще раз.

Андрей кивнул. Внутри закипало глухое раздражение на хозяйку дурацкой квартиры.

– Нам пора уже. В следующий раз доспорим.

Светка не стала возражать и позволила увести себя домой. Сам себе Андрей пообещал больше не ходить в гости к этой чокнутой Хельге.

* * *

Она ему так и не приснилась. Но Светка уехала в гости к маме, Андрею было скучно, и он зашел в гости по-соседски. Хельга обрадовалась, как старому другу, совершенно забыв про спор, а он и не напоминал. Затем пришел еще раз, и еще. Начал появляться в сумасшедшей квартире регулярно. Вдруг распробовав атмосферу легкого безумия, странные разговоры и ночные посиделки, он влился в местную компанию.

Квартира жила в особенном ритме. То вдруг все начинали читать Кастанеду, цитируя куски и пытаясь выращивать «настоящий» пейот в горшочках, на поверку оказывавшийся обычным кактусом из ближайшего цветочного магазина. То ежевечерне, громко ухая, практиковали холотропное дыхание. Или бросались изучать распечатки с методиками процессин-

гами саентологов. Мода на учения и эзотерические практики менялась каждую неделю. Новую игрушку брали, пробовали на вкус и бросали так же легко, как находили. Наблюдая за этими увлечениями, Андрей посмеивался, поддакивал, но никогда не принимал участия, считая происходящее забавной безобидной глупостью и все больше убеждаясь в своей правоте.

* * *

Тишина разбудила Андрея посреди ночи. В окна палилась темнота поздней осени, бродячим пунктиром прорезанная светом от фонарей и проезжающих машин. Потолок над головой казался дном колодца, полного холодной воды.

Такого раньше не случалось: обычно Андрей падал на подушку и засыпал до утра. Откуда эта бессонница? Заболел? Выпил много кофе перед сном? Ответа не было.

Мысли, переваливаясь неуклюжими пингвинами, сбегали одна за другой, оставляя наедине с хмурой и опасной тишиной. Андрей отстраненно наблюдал, как она хозяйничает внутри. Незваная гостья неспешно осматривала закоулки души. От сияющих «башен духа» (другого названия Андрей не мог придумать), где мимоходом дергает колокола чувств, она спускается в «палаты разума», щелкая клавишами арифмометров мыслей. И ниже, в темные подвалы, где царит «Оно». Вечное чудовище, грызущее кости памяти и крутящее колесо жизни.

Тишина спустилась ниже, в самые сокровенные глубины. Она шла в сером полумраке пещер, оставляя на толстом слое пыли следы узких босых ступней. Туда, где тушей левиафана в гигантском зале спит механизм. Безумная смесь башенных часов, ядерного котла и стальных цилиндров. Тишина с глазами, сияющими звездным светом, с нежностью погладила стальной бок загадочной машины и рывком опускает рычаг с желтой рукояткой, запуская спящее нечто...

Андрей закричал. Вскочил, ударил рукой по выключателю. Теплый свет отогнал привидевшийся в полудреме кошмар. Потирая внезапно онемевшее лицо, Андрей побрел на кухню.

Задернув шторы, он пил чай, медленно приходя в себя. Видение, слишком плотное и осязаемое для сна, растворилось с каждым глотком. Он закурил, окончательно просыпаясь.

Несмотря на поздний час, за стеной ссорились соседи. Глухие крики было не разобрать, только слышалось, как орут друг на друга два голоса. Андрей потер пальцами лоб над переносицей – там, где говорят должен быть «третий глаз», ощущалась тугая тяжесть. Словно наружу из черепа лезла холодная, отвратительно скользкая змея.

«Сука, – внятно произнес мужской голос в затылке Андрея, – убил бы».

– А? Что?

«Бросить этого придурка, пусть себе другую дуру найдет», – вторил женский визгливый голос.

– Кто здесь?

Андрей вскочил. И тут же рухнул на колени, потеряв равновесие. Голова кружилась, ноги отказывались держать. Его стошнило только что выпитым чаем, смешанным с горькой желчью. Пытаясь встать, он схватился за стол, но только стянул на себя клеенчатую скатерть. Чайник опрокинулся и поток горячей воды плеснул в лицо. Сброшенная сахарница осыпала, как снегом, сладкой крупой. Руки скользили по полу в зловонной луже. А голоса под черепом не унимались.

«Идиотка, мать ее».

«Хер поганый, импотент конченный».

«Крыса долбанная».

«К маме! Уеду к маме. Пусть сам тут вошкается. Ой, мамочка!»

Пойманный в ловушку бессилия, Андрей упал на спину. Осколки посуды больно впились в правый бок. На мгновение взгляд прояснился. Кухня, привычная и маленькая, будто раздвинулась, разрослась в целую вселенную. А вокруг центра этого мироздания, вращались огромные прозрачные дуги астралабии, отмеряющие жизнь, смерть и минуты сущего. Круги с черточками делений, стрелки, указывающие непонятные направления, дуги с непонятными символами. И центр этого всего – он сам. Гвоздь, на котором держится мир. Созерцающий, как детали механизма неспешно проворачиваются вокруг самих себя.

Видение оборвалось. Кухня, перекрашенная расцветом в апельсиновую корочку, снова сжалась до нормального размера. Кислый запах бил в ноздри. На ладонях застыла грязная пленка, шелушащаяся и противная. Андрей поднялся и, держась за стенку, с трудом добрал до ванны. Сбросил одежду прямо на пол, включил душ и встал под обжигающие струи.

Придя в себя, Андрей прибрался на разгромленной кухне, поставил на плиту кофейник и попытался вспомнить события этой ночи, стыдясь выковыривать из памяти обрывки смутных образов. Не понимая, что произошло, то подозревая себя смертельно больным, то подозревая в отравлении съеденную за ужином рыбу.

«Где мама», – неожиданно спрашивает детский голосок за лобной костью.

Кофе сбежал, шипя растекся по плите. Но Андрею было все равно.

«Надо к терапевту записаться, опять бессонница. Пусть таблеток выпишет, тех зеленых, по рецепту», – дребезжало старушечье карканье.

«Ненавижу будильник», – хрипел бас.

Голоса один за другим появлялись в голове и так же исчезали. Кричали, спорили, говорили о непонятных вещах. Спутанные и сбивчивые. Как обрывки телеграмм на взорвавшейся почте.

Проваливаясь в них, и раз за разом выныривая как пловец на гребне волны, Андрей начал различать отдельные голоса. А следом пришло узнавание. Вот тетя Валя с первого этажа считает оставшиеся до пенсии деньги. Это Вадик из соседнего подъезда, комментирует утреннюю передачу по телевизору. А томный, с хрипотцой голос – Галка из квартиры напротив. Думает о новом хахале.

Не выдержав, Андрей бросился к входной двери. Схватил куртку, впихнул ноги в новые кеды, смяв задники. Кубарем скатился по лестнице. Задыхаясь, не обращая внимания на лужи, побежал в сторону парка.

Гвалт в голове не унимался. Но теперь звучали другие голоса, незнакомые. Целый хор, шепчущий наперебой. Их слова не складывались в осмысленные фразы, рассыпаясь, как разбитый хрустальный бокал.

Первые сто метров в парке Андрей пробежал не останавливаясь. Только за поворотом аллеи, когда стихли все посторонние слова в голове, рухнул на лавочку. Задышал, разевая рот, как пойманная рыба. Закашлялся, сплевывая горькую слюну. Стало чуть легче. Улеглась паника, подгонявшая все это время шпорами страха.

– Спокойно. Спокойно, дружище. Это просто померещилось. Наверное, действительно траванулся чем-то. – Андрей, не в силах сдерживаться, успокаивал сам себя вслух. – Это галлюцинации. Самые обычные глюки. Чем там травились в Средние века, что видели ангелов? Спорыней? Вот и я, кажется, этим самым. Нажрался, а теперь брежу. Держаться! Сейчас полегчает, пойди домой, выпить угольных, воды побольше, даже лучше чая, чтобы выводилось быстрее. Лечь спать. Оно пройдет, точно, назавтра буду как новенький.

Мимо проходил старик в шляпе. На длинном поводке – молодой эрдельтерьер. Собака подбежала к Андрею, махнула хвостом, обнюхала мокрые кеды. Эй, человек, может, поиграем? – светится в умных глазах.

Старик дернул поводок. Взгляд безразлично скользнул мимо сидящего на скамейке молодого человека.

«Наркоманье, – прогудел в голове Андрея голос. – Уже и до парка добрались. К стенке всех. К стенке! По пуле каждому!»

– А рука поднимется? – от неожиданности, Андрей вслух спросил у голоса.

– Поднимется! – резко выкрикнул ему старик, подтягивая к себе собаку. – Лично бы вас всех расстрелял, гадов!

Догадка обжигала, не давала себя ухватить, вырывалась.

– К стенке! Всех!

Старик не унимался. Сорвался на визг. Дребезжащий звук ударил по ушам. И одновременно тот же голос таранил череп изнутри. Одним и теми же словами.

Раскаленная ненависть жгла мозг тысячей игл. Невыносимо! Андрей вскочил и, не разбирая дороги, бросился бежать, между деревьев, неловко размахивая руками, поскальзываясь на мокрой листве. Прочь! Прочь! Позади многоголосым тысячеглавым орущим чудовищем стоял город, непрерывно орущий бессмысленные слова.

Дорожки закончились. Парк перешел в запущенный лес, где летом так хорошо было гулять со Светкой. Не сбавляя скорости. Андрей все бежал и бежал. Цеплялся одеждой за ветки, падал на скользких спусках, впивался пальцами в раскисшую глину. Лишь бы скрыться от воющих голосов.

Под старым дубом Андрей споткнулся о морщинистый корень и рухнул на багровые листья. Желудок взбунтовался, и его стошнило горькой вонючей желчью. Сплевывая желтую слюну, он вдруг услышал тишину. Голоса ушли, оставив в одиночестве. Медленно, как сомнамбула, Андрей сел. Привалился спиной к бугристому стволу. Вытащил мятую пачку и закурил.

Только к вечеру, когда закончились сигареты, а сам окончательно замерз, Андрей решил вернуться в город. Грязный, с безумным взглядом, мусором, застрявшим в волосах, расцарапанным лицом, вздрагивая от каждого шороха, пробирался по темным улицам. Голоса не возвращались, но их смутная тень заставляет дрожать колени. Не решившись зайти домой, он пошел в то единственное место, где была смутная надежда на помощь.

– Господи!

Хельга зажала рот ладонями.

– Что с тобой?

Она сама сорвала с неожиданного гостя одежду в заскорузлой корке грязи. Затолкала под душ, открутив кран почти до кипятка. Стоя под обжигающими струями, Андрей, наконец, начинает приходить в себя.

Чистый, накормленный, в махровом женском халате на голое тело, Андрей сидел на маленькой кухне среди вечного бардака и пил мутный, пахнущий травами чай. Хельга примостилась напротив, смотря с тревогой и удивлением. Она явно не ожидала такой выходки от правильного до зевоты друга.

– Рассказывай, что за безобразие ты учудил?

– Хель, мне кажется, я спятил...

– Ничего нового, дорогой. Все мы не в своем уме. Белые кролики тебе не мерещатся?

– Ты не понимаешь! Это кошмар! Я все время их слышу! Как голову сунул в улей. Я думать не могу! Как debil, только ногами дрыгаю. Не могу!

Хельга с размаху закатила Андрею пощечину.

– Тряпка! Прекрати истерику. Визжишь как резаная свинья.

Посчитав, что одной оплеухи будет мало, она плеснула прямо в лицо чаем из кружки. Пока Андрей, опешивший от неожиданности, беззвучно шлепал губами, швырнула в него полотенце.

– Вытрись. Успокойся и рассказывай по порядку.

Медленно, запинаясь и внезапно начав заикаться, Андрей рассказывал все с самого начала. Закончив историю, уткнулся в кружку с остывшим чаем. Хельга, не сказав ничего, вышла из кухни.

«Сейчас дурку вызовет», – пронеслось в голове Андрея. Мысль несла облегчение и спокойствие.

Нет, Хельга вернулась почти сразу с бутылочкой из темного стекла в руке. Набрала из-под крана воды, накапала туда из пузырька, считая вслух капли. Ровно тридцать.

– Пей. Сейчас пойдешь и ляжешь спать, в дальней комнате. Закройся на щеколду, чтобы никто не мешал. Утром поговорим.

Свернувшись калачиком на узком диване Андрей мгновенно заснул.

Утром вчерашние события казались бредом, и разговор с Хельгой не клеился. Андрей стыдился, сам не зная чего, и уходил от ответов. Но не так-то просто было вырваться из рук маленькой женщины. Она упорно мучала вопросами, заставила выучить несколько дыхательных упражнений, а в конце вручила длинный ключ на веревочке.

– Помнишь, летом выбирались на дачу? Она сейчас пустая. Если почувствуешь то же самое – езжай туда. Хоть на попутке, хоть пешком, но доберись. Заляг на дно. По дороге позвони мне. Понятно?

Андрей благодарно кивнул и постарался быстрее уйти.

Следующие несколько дней он ходил, как пришибленный, но кошмар больше не возвращался. Ключ, вначале полежав на тумбочке в прихожей, перекочевал в ящик стола и потерялся под ворохом бумаг. Жизнь пришла в норму. Андрей сам себя убедил, что в тот день отравился и просто бредил.

Позже, в другой жизни, он узнает, что это был «заворот» – первое пробуждение психомассы.

«Блудный пасынок», часть 2. Сейчас

Впервые за долгие месяцы по-настоящему чистый, пахнувший мылом и цветочным шампунем Андрей сидел на кухне. Кутался в махровый халат, слишком маленький для него, но бесконечно уютный после казенной одежды ЛИМБа. Пил чай, жевал хлеб с вареньем и слушал поток нескончаемой болтовни Хельги. Прерывать ее не хотелось, пусть себе говорит. Слова шумели прибоем, а он наслаждался ощущениями дома, свободы, чистоты и тепла, смешивающимися в опьяняющий коктейль.

Через ощущение счастья наглым непрошеным гостем прогрызался червячок беспокойства.

– Хель, а где все?

– Кто?

– Ну, – Андрей неопределенно махнул рукой, – наши, старая тусовка. Я сначала не сообразил, тишина полная. Раньше ведь не протолкнуться. Кто-то постоянно ел, пил, вопли, крики. А сейчас мы с тобой вдвоем целый вечер.

– А. – Женщина скривилась. Губы сложились в презрительную усмешку.

– Разбежались. После... – Хельга замылась. – Ну, ты понимаешь. Перестали заходить. У всех сразу дела, учеба, работа. Попрятались, хотя их никто пальцем не тронул.

– Понятно.

Хельга внимательно посмотрела на Андрея.

– А ты? Расскажешь?

В ее голосе слышалось что-то странное. Вина? Любопытство? Болезненное влечение? Андрей не разобрал, да и не хотел это делать.

– Только не сейчас. Давай не будем портить вечер моими личными ужасами.

– Ладно, не стану тебя мучить расспросами. Захочешь – сам расскажешь. Кстати, помнишь Юльку? Рыжая такая, и глаза выразительные. Иду недавно, а она из магазина выходит, нос к носу столкнулись. Я говорю – привет пропащая, почему не заходишь? А она...

Андрей кивал и поддакивал в нужных местах, не вникая в смысл. Рыжая? Да хоть блондинка. Какая разница? Он совершенно не помнил людей, о которых говорила Хельга. Как отрезало. Придется знакомиться заново, связывая имена, лица и голоса в единое целое.

Рассматривая исподтишка Хельгу, он вдруг понял, как она постарела. Дело было не во внешности. Исчез «фирменный» огонек сумасшедшинки, когда-то манивший к ней людей. Голос стал надтреснутым, словно сломался внутренний стержень. А в глубине потухших глаз таилась пугающая темнота, которую никак не удавалось рассмотреть.

– Хель, а как там дом?

– Какой?

– Мой дом.

– А! Да все хорошо. Куда он денется.

Она отвела взгляд. Андрей не стал настаивать. Время разобраться еще будет. Уж очень хорошо было сейчас.

– Ты спать, наверное, хочешь? Устал после дороги? Давай я тебе постелю в маленькой комнате. Там тихо, помнишь? Идеальное место, чтобы отдохнуть.

– Хорошо. Я, и правда, с ног валюсь.

Шуршание чистой простыни по коже отозвалось в теле райским блаженством. Одеяло показалось ладонью бога, заботливо укрывшего любимое создание.

– Доброй ночи. Сладких снов тебе.

Щелкнув кнопкой выключателя, Хельга вышла. Из-под двери пробивалась полоска света, дорожка счастья.

– Все позади, – прошептал сам себе Андрей, – все кончилось. – И мгновенно заснул.

* * *

Проснулся он рывком, мгновенно выдергивая себя из небытия. Что-то было не так. Лунный бледный свет освещал комнату. Тишина середины ночи, ватная и плотная, прерывалась странным вкрадчивым звуком. Шкряб. Шкряб. Кто-то невидимый стоял за дверью. И неуверенными движениями дергал ручку.

Шкряб! Очередная попытка увенчалась успехом. Дверь медленно распахнулась. На пороге стояла Хельга. Голые ноги, белая полоска трусиков, футболка с кроликом на груди. Под опущенными веками дергаются глазные яблоки. Пальцы ритмично сжимаются и разжимаются.

Пошатываясь, как сомнамбула, женщина сделала шаг в комнату.

– Хельга?

Она не услышала. Еще шаг. Руки поднимаются, словно ищут препятствие перед собой. И снова шаг, теперь в сторону кровати.

– Дай.

Голос пустой, обезличенный, чужой.

– Хельга!

– Дай.

Вскочив на постели, Андрей отпрыгнул прежде, чем она коснулась его.

– Хельга!

Он не мог докричаться. Шатаясь, не открывая глаз, женщина шла на него, как по запаху. Андрей уворачивался, как от чумной, отскакивал. А она спотыкалась о кресло, углы мебели, но упрямо пыталась добраться до гостя. Тянула руки, умоляла замогильным голосом «отдать». До чертиков напуганный странным поведением Хельги, он отступал все дальше и дальше. Она под контролем? Но почему ведет себя, как зомби из дешевого фильма? Или под наркотой?

– Хель!

Зажатый в угол, он выкрикнул ей в лицо и ударил под дых.

Жалобно всхлипнув, Хельга осела на пол.

Всколыхнулась разбуженная пси-масса. Загорочалась внутри барьера блокатора. Но этого оказалось достаточно. «Холодная»! Как он сразу не увидел? Она «холодная». Причем уже давно, наверное, еще со времен его ареста.

– Прости. Ты как?

Андрей наклонился над женщиной, протянул руку, собираясь помочь. Хельга оттолкнула его. Размазывая слезы обратной стороной ладони, поднялась. И ушла, яростно хлопнув дверью.

Снова лечь он не стал. Пошел на кухню и сварил кофе. До самого утра курил одну сигарету за другой, вглядывался в темноту за окном и вздрагивал от мысли снова заснуть. Что если бы он не услышал, как она пришла? Ничего хорошего, это он точно знал.

Те, кому убили пси-массу после первого заворота, «холодные», все равно оставались другими. Лишенные всего, они бессознательно чувствовали пси-массу. Тянулись к «горячим», как пьяница к недоступной бутылке, не в силах получить вожделенное, скатывались в неконтролируемую агрессию. Андрей видел в ЛИМБе жертвы «холодных»: сходя с ума от близости пси-массы, они чаще всего выкалывали в приступе гнева психотам глаза. Трое таких слепцов жили в соседнем бараке. Андрею сегодня повезло.

* * *

Утром на прокуренную кухню вышла Хельга. В покрасневших глазах женщины стоял ужас.

– Прости, Анрюшка. Я не хотела. Веришь?

– Когда это случилось?

Она закашлялась и распахнула окно, выпуская дым. Отставила табуретку к противоположной стене, боясь приближаться к Андрею.

– Почти сразу, как тебя арестовали. Я испугалась. Что мне было еще делать? Все разбежались, бросили меня. А там сказали, амнистия для тех, кто придет сам. У меня мама сердечница, она бы не пережила, если бы меня в лагерь. Что я должна была делать? Что?!

– Я все понимаю.

– Ничего ты не понимаешь! Тебя выворачивает наизнанку, а помочь некому. Все друзья разбегаются, как от чумы. Сестра трубку бросала, когда я звонила. Я спать не могла – ждала, когда за мной придут. Соседи здороваются, а я думаю, настучали они уже в комитет или нет? Работу бросила, хари видеть их не могла. Жила, не знаю на что. А вы смылись, все!

– Я был в лагере, Хель. При всем желании не мог бы помочь.

– Другие были! Но вы же богоизбранные, вам помочь – что себе руку отгрызть. Суки!

Хельга сорвалась на крик, впадая в истерику. Рот ее скривился, руки сжались в кулаки. Она готова была броситься на мужчину. Избить, искалечить, растоптать.

– Ты бросил меня! Это я тебя спасала, когда тебе было плохо. А ты бросил!

Стакан с водой стоял рядом, и Андрей, не раздумывая, плеснул в лицо Хельги.

– Успокойся.

Она разрыдалась, уткнувшись лицом в ладони. Плач был похож на глухое карканье.

Андрей взял кухонное полотенце и подошел к ней. Вытер слезы и воду с рук, лица, шеи.

– Ну. Не надо. Все прошло.

Хельга вдруг обняла его, уткнулась лицом в живот. И принялась неразборчиво причитать.

– Они меня бросили! Представляешь? Только заметили, что со мной не так – разбежались, как крысы. Я звонила, ходила, никто даже разговаривать не хотел. На другую сторону дороги переходили, гады. А как «надела браслет», понабежали. Стали называть гуру, в глаза заглядывать. Чуть не молились, сволочи. Я их всех выгнала. Не хочу видеть. Иуды.

Рыдания не стихали. Андрей чувствовал, на животе футболка становится мокрой от слез. Он автоматически гладил ее по голове и чувствовал, как нарастает боль в голове. Разбуженная близостью «холодной» пси-масса ворочалась, пузырилась, разрывая виски тупыми ударами.

Рыдания прекратились. Хельга отстранилась и посмотрела на него снизу вверх. С тоской и болью. В распахнувшемся халате Андрей увидел ее грудь. Темные маленькие соски, родинка справа. Никакого желания не возникло. Только раздражение и усталость.

– Я сейчас.

Запахнувшись, женщина вышла из кухни.

Вернулась она нескоро. Андрей успел сварить кофе, снова накурить на маленькой кухне и окончательно впасть в мрачное настроение.

– Сделать тебе яичницу?

– Давай.

Зашипело масло на сковородке. Было видно, как Хельга делает вид, будто ничего не произошло. Она затянула веселую песенку, но радость в голосе звучала фальшиво.

– Хель, а где ключи?

– Что?

– Ключи от моего дома. Я туда поеду. Страшно устал, хочется побыть в одиночестве. Соскучился. Сварю кофе, устроюсь на мансарде...

– Анрюш...

Хельга, стараясь не встречаться взглядом, поставила перед Андреем тарелку с яичницей.

– Ты же когда уехал, ну то есть тебя забрали, не сказал, что с ними делать. Только записку с ключами оставил, вроде как посмотреть. Ходила туда иногда. Убирала. Но далеко же, часто не наездишься. Сам понимаешь, дом требует ухода. А у Мишки и его девушки, у них сложная ситуация была. Родители у него дачу продали.

– Короче, Хель.

– Я подумала: пусть живут, дала ключи. Ну, пока тебя нет. Я не знала, когда ты вернешься. А теперь как их выгнать? Им жить совсем-совсем негде. Так даже справедливо, помнишь, ты их дачей пользовался? Я решила, что так будет правильно. Тебе они не помешают. Мишку ты знаешь, девушка его тоже очень хорошая. Ты бы знал, какие у них трудности. И родители против.

– Это у меня трудности. Я сам буду решать, кто будет жить в моем доме. Давай ключи.

– Ты ешь, а то остынет. Ключи у Мишки, они ведь там живут.

– Ясно.

– Ты ведь их не выгонишь?

Андрей подцепил вилкой кусок яичницы и сунул в рот. Подгоревшая корочка с одной стороны и недожаренный белок с другой отбили всякое желание завтракать.

– Посмотрим. Если дом в порядке, пусть живут.

– Андрюшка, ну, пожалуйста, им же некуда идти!

– Я сказал, посмотрим.

Настроение стремительно портилось. Ноющий голос Хельги, отвратительная яичница, запах скисшего молока.

– Пойду, наверное. Сигареты закончились, значит, пора валить.

– Может, еще кофе хочешь?

В голосе женщины послышалось облегчение. Липкое, отвратительное.

– Нет, мне хватит. Где мой рюкзак?

Она попыталась чмокнуть в щеку на прощанье, но Андрей отстранился. Дверь квартиры хлопнула за спиной. Выйдя из подъезда, он вытащил последнюю сигарету, смял и бросил на асфальт пустую пачку. И, перебивая дымом горький вкус, пошел к остановке. Больше он сюда не вернется, ни за что.

«Искушение собой», часть 2. Два с половиной года назад

Пугающие воспоминания о чужих голосах Андрей постарался вытравить, окунувшись в работу. Новый год встретил вдвоем со Светой тихо и по-домашнему. Жизнь, словно компенсацию за неприятности, подкидывала неожиданные сюрпризы. Повышение, отпуск в середине зимы на Бали, родители Светки подарили денег на покупку машины. Андрей радовался и подставлял ладони под открывшийся рог изобилия. Только с Хельгой, свидетельницей пережитого «позора», старался не видаться. И, натываясь в ящике стола на ключи от дачи, только морщился, решал вернуть, но каждый раз благополучно забывал.

В середине апреля Андрей неожиданно разругался со Светкой. Сначала из-за ничего не значащей мелочи. Потом всплыли какие-то старые обиды. Скандал перешел в неконтролируемую стадию, Светка разбила пару тарелок и ушла ночевать к подруге. Андрей выпил найденную в холодильнике бутылку пива и мрачным идиотом завалился на диван. Включил старый боевик и тут же задремал под грохот взрывов.

Сон принял его, как ледяная вода под треснувшим льдом. Со всех сторон Андрея обступила звездноглазая тьма, шипящая змеями. Холодные пальцы забрались под череп, перебирая сны и мысли, как монетки. Как будто нищий обыскивал бесчувственное тело пьяного гуляки. Вытряхивал из карманов ничего не значащую мелочь. Пока не нашел золотой червонец, спрятанный у сердца.

Он вздрогнул и проснулся. Бессмысленно уставился в телевизор, не понимая, что происходит. Экран стер картинку шумом пустого эфира, мигнул и погас. Из рифленого бока потянулась тонкая струйка синего дыма, распуская по комнате запах паленого пластика.

Андрей вскочил как ошпаренный. Метнулся через комнату и выдернул из розетки шнур. С обидой осмотрел погибший телевизор: над серой панелью вверх по обоям тянулись черные разводы гари, похожие на пламя.

– Замечательно. Просто отлично. Поругался с женой, сжег телек. Что дальше?

Никто не ответил. Мысленно сплюнув, Андрей пошел на кухню. Только дойти не сумел. На полпути, возле входной двери, ему сделалось дурно. Голова закружилась, ноги наполнились старческой слабостью, к горлу подступила тошнота. Андрей рухнул на пол, скорчился, как от судорог, захрипел. Вокруг разворачивались старые знакомые – прозрачные дуги вселенской астролябии. Сначала робкие и начертанные пунктиром, они наливались звенящей мощью и росли, росли, росли... Андрей закричал, разрываемый изнутри личным апокалипсисом.

Маленькую вечность Андрей лежал, свернувшись зародышем. Капающая вода из крана в ванной то лупила бешеным стаккато, то каждым ударом отмеряла века. Призрачные дуги вращались, обозначая стороны света и тьмы. Где-то на невидимом ночном небе бежали планеты и звезды, и на каждую указывала тонкая стрелка с пылающим наконечником.

Видение померкло. А следом заявили голоса, кричавшие сквозь пространство. Незнакомые, чужие. Но по каждому можно было скользнуть как по нити, чтобы в конце заглянуть в глаза человеку, чьи мысли слышишь. Мысли? Слышать? Сомнений не было. Андрей видел их сознание, надежды и сомнения, радости и боль. Как заглядывает в окна домов случайный прохожий.

Вот таксист наливает в крышку из термоса кофе. Без сахара, самый дешевый, растворимый. Андрей чувствует вкус вместе с ним, наслаждаясь чужими ощущениями. Тот, другой, думает, что пора домой, трет слипающиеся глаза. Андрей хочет спать вместе с ним, зевает и скользит по тонким струнам дальше.

Мужчина в неудобной позе склонился над журналом. Кажется, охранник. Крутит в пальцах липкий карандаш. Морщится, подбирая слово для клеточек в кроссворде.

«Город, погибший от вулкана. Третья эм, четвертая пэ»

«Помпеи», – шепчет Андрей из-за плеча.

«Точно!» – соглашается мужчина и старательно записывает печатными буквами.

Дальше! Как радиоволны в эфире.

Смешная девушка в розовых кроссовках. От тонкого следа алкоголя в крови Андрея немного мутит. Пританцовывая под музыку в наушниках, она возвращается домой. А впереди за углом стоят несколько парней. Как мерзко пахнущая куча, видится Андрею их злость и агрессия. Куда ты, дуреха? Он подталкивает девушку свернуть между кустов сирени: вот сюда, глупышка; да, пустырь; да, темно; зато никого нет, и вернешься домой целая. Умничка! Андрей треплет ее по макушке призрачной рукой.

Боль выкрутила тело, как уборщица тряпку, заставляя вернуться в себя. Шипя сквозь зубы, Андрей встал. Держась за стенку, поковылял в спальню. В глазах все двоилось: на обычное зрение накладывались картинки, прилетающие из эфира.

– Сука!

Добрался до стола и выдернул ящик. По полу разлетелись бумажки, монетки, карандаши. Андрей опустился на колени и долго шарил руками, пока не отыскал ключ на красной тесемке...

На улице стало легче. Ночной воздух дал пощечину спасительным холодом, протрезвляя от видений. Пошатываясь, Андрей вышел к дороге и поднял руку.

Такси поймать не удавалось. Они притормаживали, лица водителей кривились, видя с трудом стоящего мужчину, взрыкивал мотор, и машина уносилась прочь. Андрей хотел уже добираться пешком: проходил десяток метров и хватался за фонарный столб.

Очередные шашечки пролетели мимо. Андрея обдало брезгливостью и страхом в шлейфе.

– Уроды.

Он выругался без злости, просто давая выход отчаянью. И тут же вспомнил того мужичка-таксиста, что пил кофе и мечтал поспать. Так легко найти струну, по которой можно дотянуться. Вот она, чуть провисшая, с фиолетовым отливом. Надо только потянуть за нее...

Машина остановилась около Андрея. Глаза водителя остекленевшие, руки сжимают руль, по подбородку бежит ниточка слюны.

– На Ташлу. – Андрей рухнул на заднее сиденье.

Ночь и фонари мелькали поочередно за окнами автомобиля. Голоса теперь скользили по краю сознания, со скрипом пересыпающегося стекла. А между Андреем и водителем туго натянулась болезненная нить. Как будто их связали гитарной струной, все глубже впивающейся в кожу.

Мимо пролетали кварталы, спящие светофоры, мигающие желтым. Многоэтажки сменились частным сектором: эклектичные особняки вперемешку с развалахами. Повинуясь не высказанному желанию Андрея, машина вывернула на узкую дорогу прочь от города. По обочинам темной стеной встали деревья.

Звон невидимой струны полез вверх, от басов к ультразвуку. Движения водителя стали дергаными, лицо побагровело. Андрей сжал руками голову, охваченную арканом дикой боли.

– Останови!

Распахнув дверцу, Андрей мешком вывалился из такси. С криком разорвал невыносимую связь с водителем и скорчился на асфальте.

Машина взвизгнула, плюнула смрадным выхлопом и рванула в ночь. Андрей, не обратив на нее внимания, долго стоял на коленях у края дороги. Раскачивался из стороны в сторону. Выл и сгибался от приступов тошноты. Контроль чужого сознания обернулся своей темной стороной: пока Андрей давил собой волю таксиста, личность водителя неумолимо впивалась в него самого. А после разрыва ему пришлось сдирать с себя чужие воспоминания, чувства и привычки, как пропитанную ядом одежду. С кровью, болью и отвращением.

Он справился. Затем сумел встать, рукавом стер горькую желчь со рта. И нетвердой походкой заковылял по дороге.

Дорога вынырнула из-под полога деревьев к дачному поселку. Низкие домики хмуро смотрели на пришельца темными окнами. Зачем пришел? Что несешь? Андрей повернул от одинокого фонаря на боковую улочку, затем повернул еще раз. Глаза привыкли к темноте, и из черноты неба проступила многоглазая бездна, перечеркнутая дорогой Млечного пути. Ему захотелось вернуть ощущение той вращающейся астролябии. Дабы измерить это движение сфер и услышать музыку бесконечного пространства. Исчислить скрытую гармонию мироздания.

– Эй, братан, есть курить?

Они сидели на лавочке возле палисадника, отмеченные красными точками сигарет. Человек пять или шесть, Андрей не разобрал сразу.

– Нет.

– Слышь, че так невежливо? А?

Компания поднялась, как волчья стая, и окружила его. С хохотом, разбрызгивая вокруг себя запах дешевого алкоголя и нерастроченной агрессии.

– Тебя спрашивают, глухой, что ли?

Андрея толкнули, он споткнулся и рухнул в грязь мелкой лужи. Хмельная волна их мыслей, с полосками злости и радости от предстоящей потехи, накрыла его с головой.

– Че, братан, бухой? Не бзди, сильно бить не будем. Чтоб запомнил только.

Парни закатились неприятным смехом. Тупая, со звериным оскалом, ярость поднялась из глубины души Андрея. Клокочущим потоком поднялась по горлу, диким рыком вырвалась изо рта.

– Может, он больной? – спросил ломающимся голосом один из нападавших.

Ответить никто не успел.

Что-то щелкнуло стальным оружейным лязгом. Андрей почувствовал, как в голове стали разворачиваться прозрачные плети. Как живые щупальца древнего кровавого божества, они лезли наружу, закручиваясь спиралью. Адская карусель, где вместо единорогов скелеты псов. Мертвецкий коловорот, наотмашь хлещущий людей вокруг тебя.

– А-а-а-а!

Кто-то кричал. Горячее брызнуло в лицо Андрею, и он поднялся, шагнул из круга. Мимо фигур, рухнувших подрубленными деревьями. Голоса бывших мучителей плакали жалобно и тонко. Они подростки, почти дети, если приглядеться. С окровавленными ртами, зажимающие глаза, бьющиеся в корчах. Не желая смотреть, Андрей бросился прочь.

* * *

Найти дачу оказалось непросто. Андрей пропустил нужный поворот, свернул не туда и заблудился. Долго плутал, пока не вышел на знакомый перекресток. Наконец, отыскал калитку, окрашенную голубой краской, и оказался на месте.

Ключ долго не хотел попадать в скважину. Со злостью царапая металл, Андрей думал, что надо позвонить Хельге. Сейчас только к ней можно обратиться за помощью. Щелкнул замок, и дверь неожиданно легко распахнулась. Ночной гость не удержался, ввалился внутрь и упал на пол. Андрею показалось, что он попал в рай – лежа на скрипучих досках можно было не шевелиться, не будить зудящие, как осы, голоса.

Позвонить – вспомнил он. Достал телефон из кармана, набрал номер. И тут же уронил руку с зажатой трубкой. Тьма, подкравшись незаметно, навалилась на Андрея и проглотила, как хищная рыба наживку.

– Ох ты черт!

Кто-то шлепал Андрея по щекам, вытаскивая из мрачной глубины. Все тело болело, пересохший рот отказывался говорить. Открыть глаза было мучительно тяжело.

– Давай же, ну!

Голос не отпускал, давил, требовал. Чего?

– Блин.

На лицо полилась вода. Он разинул рот, пытаясь поймать холодную струю.

– Пей, горе ты мое.

В губы ткнулся железный носик чайника. Стуча о металл зубами, Андрей глотал живительную влагу.

– Вот, хорошо. Открывай глаза, садись.

Андрей, наконец, смог поднять веки. В сером утреннем свете бледным пятном перед ним хмурилось лицо Хельги.

– Во что ты вляпался, зараза?

В ответ он смог только просипеть горлом.

– Вставай, а то окончательно замерзнешь. Не лето, на полу спать.

Опираясь на руку женщины, Андрей смог подняться, сделать пару шагов и рухнуть на старый потертый диван. Хельга заботливо укрыла его пледом.

– Сейчас, подожди.

Она долго гремела посудой, хлопала дверцами шкафчика, и, наконец, сунула ему в руки кружку с чем-то горячим.

– Пей, это бульон из кубика. Другого нет, извини.

Андрей отхлебнул. По телу побежало божественное тепло. Он благодарно улыбнулся уголками губ.

– Давай, давай, до дна.

Весь день Хельга выхаживала Андрея. Водила под руку в туалет. Укутывала шерстяным одеялом, когда его трясла лихорадка. Поила крепким сладким чаем. Прикуривала ему сигареты – сил не было даже на это. Подставляла треснувший красный тазик, когда его тошнило. И ничего не спрашивала. За это он был особенно благодарен.

Только к вечеру Андрею стало лучше. Силы возвращались, он сумел встать, одеться и выйти во двор. Уселся на лавочку и долго мял в непослушных пальцах сигарету. Хельга тоже вышла из дома, присела рядом и мрачно насупилась.

– Ты напугал меня. Этот звонок, ты так кричал в трубку. Я думала, с ума сойду.

– Прости, ничего не помню. Спасибо тебе.

– Никогда больше не жри эту гадость.

– Что?

– Или ты курил это? Нюхал? Не важно. Брось эту дрянь. В следующий раз я тебя не вытяну. Сдохнешь и все.

– Да нет же! Ничего я не употреблял. Ты не помнишь? Приступ. Осенью, я тогда к тебе пришел, еще ключ мне дала. Вспомни!

– Перестань! – Она раздраженно дернула плечом, – Светке будешь байки рассказывать. Думаешь, я не знаю, как человек после передоза выглядит? Так я тебе скажу – как ты сегодня утром.

Гнев и обида вскипели в Андрее. Ударили в голову, заставляя вскочить.

– Не веришь, да? Не веришь? Кто мне всю эту хрень про эзотерику втирал? Не ты? А когда со мной реально случилось, ты не веришь!

Он потерял контроль над собой. Бешенство раскаленной волной поднялось из глубины. Белки глаз налились кровью, рот искривился в страшной гримасе. А вокруг поднимались обглоданные дуги призрачной астробии.

– Не веришь?! Дура! Я поверил тебе, а ты!

От налетевшего порыва ветра скрипнула дверь. Андрей обернулся на звук, уставился полным ярости взглядом. Фанерные листы пошли трещинами. Краска облупилась, пошла темными пятнами. Он закричал.

Остервенелый звук голоса спустил с крючка скопившееся напряжение. Вокруг Андрея закрутился невидимый ураган. Мусор, обрывки газеты, окурки, взлетели винтом, сворачиваясь в кокон гнева.

Тонкий, почти неслышимый звук ударил по нервам. Заставил дрожать струну в животе. Это кричала Хельга. От ужаса.

Андрей шагнул вперед, почти ослепший от напряжения. Схватил женщину, встряхнул как тряпичную куклу.

– Не веришь?!

Ее запах ударил в нос. Терпкий, с нотками мускуса. Зверь внутри рыкнул и ударил хвостом по бокам.

Он рванул тонкую ткань. Разрывая и отбрасывая. Вкус ее кожи на губах. Пальцы спускаются по спине. Ладонь обхватывает тяжелую грудь.

– Нет, пожалуйста, нет...

Она шепчет и одновременно обнимает. Целует в ответ. В рычании зверя слышится желание.

Все происходит быстро. Прямо на земле, в самом центре вихря. Она кричит от страсти и вожделения. И не разобрать – собственных или внушенных сорвавшимся с цепи психотом.

Андрей застонал и повалился на спину. Обессиленный и пьяный от произошедшего. Ураган исчез вместе с желанием.

– Сволочь. Самая настоящая сволочь.

Хельга прикрылась порванной рубашкой и закатила Андрею звонкую пощечину.

– Никогда! Слышишь?!

Она поднялась. Ударила его ногой в бок, но без злости.

– Идиот.

Ругаясь, Хельга ушла в дом. Хлопнула покалеченной дверью, оставляя Андрея наедине с собой. Он не понимал, что на него нашло. Зачем? Откуда это?

Он долго сидел на лавочке. Курил, кутался в порванную куртку. Пока Хельга не появилась на пороге.

– Иди. Поедим и двинем в город. А то всю дачу разнесешь.

Всю дорогу, пока они трясутся в старом автобусе, Хельга молчит. Андрей, также не произнеся ни слова, провожает ее домой. И только там она тычет пальцем в него и выплескивает накопившееся.

– Был бы кто другой, убила бы. Понял? Дебил. Никогда так больше не делай. Мало ли что у меня на уме было, я сама решу, с кем и когда. Ясно? Нашелся мне, копперфильд хренов. В следующий раз сунешься – удавлю. Усек?

Она оттолкнула Андрея.

– Иди домой. Выспишься, придешь в себя, тогда поговорим.

Больше они никогда не говорили о том дне. Соблюдая обет молчания о случившемся. Табу, как залог от несчастий. Глупое, не сбывшееся суеверие.

«Блудный пасынок», часть 3. Сейчас

Поначалу Андрей не узнал свою улицу. Когда он только купил дом, здесь был глухой окраинный тупик, населенный стариками и алкоголиками. Теперь же тут бурлила жизнь. Вместо развалюх выросли «богатые» кирпичные домины, манили вывесками целых три магазинчика, разбитую грунтовку заменил уже выщербленный асфальт.

Он удивленно оглядывался, боясь заблудиться. Табличек с названием улицы видно не было, а прохожих спрашивать не хотелось. Кворум старух на лавочке оценивающе прошелся по нему суровыми взглядами и зашушукался. Узнавать у них дорогу он тоже не стал. Увернувшись от стайки детей на велосипедах, Андрей пошел дальше. Дом сжалился над блудным хозяином и дал себя найти.

Ограда перед участком покосилась. Решетчатая калитка жалобно скрипнула ржавыми петлями. На цементной дорожке к дому, которую он сам заливал когда-то, через трещины пробивалась длинная трава. Андрей обошел дом с торца: крыльцо выходило на заднюю часть двора, заросшую сорняками. Высокими, что он мог бы в них спрятаться, не сильно пригибаясь.

– Вернулся он в дом свой и нашел мерзость запустения, – собственный голос показался Андрею испуганным и тусклым.

Он откашлялся и гаркнул, подбадривая сам себя:

– Есть кто живой?

Никто не ответил. Крыльцо, мохнатое от плетей винограда, показалось родным до комка в горле. Андрей сбросил с плеча рюкзак и сел на скрипучую деревянную ступеньку. Обыскал карманы, вытащил мятую пачку и закурил. Зажмурился, повернул лицо к солнцу и просто сидел, не думая ни о чем. За спиной хлопнула дверь. Андрей обернулся. На пороге стоял Мишка.

Ах, Мишка, душа компаний и предводитель пьянок. Высокий блондин с зелеными глазами. Курчавая борода придает сходство с древними викингами. Бесшабашный и вечно веселый, гроза девичьих сердец. Но если присмотреться – постаревший, с пожелтевшей кожей и опухшим от частых возлияний лицом. Но Андрей не всматривался, этого человека он хотел бы видеть здесь меньше всего.

– Здоров. Ты от Флака? Извини, все кончилось. Только завтра привезут.

Он не узнал гостя. От этого сделалось неприятно, как от нечаянного предательства. Андрей поднялся и с легкой злостью посмотрел собеседнику в глаза.

– И тебе привет, Михаил.

– Ты от родителей, что ли? Скажи, что я не передумую. Это моя жизнь и буду делать, что хочу. Их не касается, как я живу и с кем.

– Не узнаешь старых знакомых, а?

«Викинг» в грязной майке близоруко прищурился. Уголки губ поползли вниз от смутного узнавания.

– Ты?

– А кто еще? Не ждал?

– Ну, так ведь тебя...

– Уже выпустили.

– Андрюха! Ну!

Блондин тряхнул Андрея за плечи.

– Хорошо, что зашел! Не ждал тебя в гости.

Андрей шагнул к блондину вплотную. Тот был на полголовы выше, но сейчас это не имело значения.

– В гости? Если ты забыл, это вообще-то мой дом.

– А, ну да, точно. Ты это, проходи, чего сидеть. У нас пиво еще осталось, шашлыки маринуются. Давай, отпразднуем, что откинулся.

Не отвечая, Андрей вошел в дом.

Там царил отвратительный беспорядок. Уборку тут не устраивали, кажется, с тех времен, когда он сам тут жил. Пыль, похожая на серый пух, лежала по углам. Со стен свисали мхом пожелтевшие отваливающиеся обои. Табачный спертый дух пропитал все вокруг.

– Мы тебя не ждали. – Позади топал блондин. – Хельга дала ключи, сказала, можно не париться.

– Я вижу... Хоть бы убирались иногда.

– Да фигня, не парься. Стены же на месте.

Кухня оказалась в еще худшем состоянии. На полу ковром рассыпаны окурки, смятые и раздавленные. Грязная посуда, стоящая на столе, шкафах и в еще более грязной раковине. Любимая кружка, подаренная еще Светкой до свадьбы, с отколотой ручкой, выщербленная, сиротливо жалась на подоконнике.

Окинув этот ужас взглядом с порога, Андрей развернулся на каблуках и по всхлипывающей лестнице стал подниматься на мансарду. Мишка следовал за ним как привязанный.

– Тебе, наверное, неудобно будет. Мы шумные, гости часто приходят, – бубнил он в спину.

– Не хотелось бы.

– Я и говорю. Лучше ты по выходным приходи. На шашлыки там. Накормим, напоим, повеселим.

– В смысле?

Андрей остановился, развернулся и зло глянул сверху вниз на блондина.

– И в центр отсюда ездить далеко. Места, опять же, на троих маловато. Мы наверху живем. Не с нами же ты спать будешь.

– Алле! Это вообще-то мой дом, не забыл?

Не слушая продолжение бубнежа надувшегося Мишки, Андрей в три шага преодолел остаток лестницы и распахнул дверь на мансарду.

Под шатром двускатной крыши беспорядка почти не было. Кажется, тут иногда мыли полы – небрежно, на «отвали», но мыли. На диване, укрывшись по горло пледом, спала рыжая девица. Андрей не захотел ее будить и повернул назад, как взгляд зацепился за письменный стол.

– Это что?

– Где?

– Вот это!

Он ткнул пальцем. На столе, покрытый пылью, стоял старый компьютер Андрея. В мониторе, почти самом дорогом на момент давней покупки, зияла неаккуратная дыра.

– Случайно вышло. – Блондин по-детски захлопал глазами. – Мы как-то собрались...

– Вон.

– Что?

– Пошли вон отсюда!

Взбешенный, Андрей рванул к дивану и сдернул девицу вместе с пледом на пол.

– Валите на хрен!

– Ты что творишь, урод? Я тебя...

Смотря в глаза поднимающего кулак Мишки, он вспомнил старый разговор с Захаровым: «Под блокаторм ты ничего не сделаешь. Только раздражишь пси-массу и сгоришь, как спичка. Но если припрет, можешь провернуть один трюк. Блокатор оставляет незакрытым дальний край нижнего спектра, и ты можешь надавить туда. Используй самые простые, древние чувства. Страх, ужас, панику. Представь, что ты обезьяна, запертая в клетке. Не смейся,

это отличный образ. И вот ты хватаешься за прутья и начинаешь трясти. Скалишься, рычишь, кидаешься на посетителей зоопарка. Смотри в глаза противнику. Даю гарантию – сработает». Пришло время опробовать метод.

Зверь внутри, благословенная и трижды проклятая пси-масса, вздрогнула. Показала зубы, глухо рывкнула, вцепилась в прутья, принялась трясти ненавидимую тюрьму. Дно спектра вспенилось пузырями ярости, пошла рябью.

Мишка споткнулся. Замер на месте. Опустил занесенный кулак и подался назад. В глазах блондина копошился отвратительным насекомым страх. Девушка, успевшая подняться, побелела. Дрожащие губы, руки прижаты к груди, округлившиеся глаза.

– Я. Сказал. Вон.

Обезьяна в его воображении плюнула в людей и захохотала. Следом каркающим безумным смехом зашелся Андрей.

– Сейчас. Мы сейчас уйдем, честно-честно.

Девушка потянула блондина за рукав.

– Не надо, пожалуйста. Мы прямо сейчас уйдем. Вещи можно забрать? Это наши, правда.

Не прекращая смеяться, Андрей махнул рукой в знак согласия. Через полчаса он остался один. Квартиранты сбежали, побросав шмотье на дно бесформенного баула. С перекошенными от ужаса лицами. А вслед летел не унимающийся хохот.

Успокоиться никак ее получалось. Неосторожно разбуженная пси-масса билась о стены тюрьмы, ища выход. Андрей уже просто булькал, надрываясь то ли смехом, то ли рыданиями. В панике он метался по дому, испугавшись, что вошел в пике и может сгореть. На кухне в шкафу нашлась початая бутылка водки. Давясь и стуча зубами по горлышку, он стал глотать воняющую сивухой горечь. По горлу потек жар. Андрей закашлялся, выронил бутылку и обессилено рухнул на табуретку.

– Гады. Ненавижу.

Ударивший в голову хмель спутал все мысли. Но дьявольский смех прекратился, пси-масса улеглась. Андрею остались только чувства пустоты и бесполезности.

– Ненавижу.

Он хлопнул по столу рукой и сам испугался громкого звука. Стало безумно жалко самого себя, все потерянные годы, неудавшуюся жизнь. Непрошенные пьяные слезы потекли по щекам.

– Господи, за что мне все это? Что я сделал плохого?

Никто не ответил ему. Ни богу, ни дьяволу не был интересен пьяный психот на грязной кухне.

– К черту! Пошли вы тоже все! Оставьте меня в покое! Хватит! Дайте просто жить, а?

Пошатываясь, он поднялся на мансарду. Не раздеваясь, упал на продавленный диван и сразу же провалился в сон.

* * *

Яркое полуденное солнце било прямо в лицо. Андрей отмахнулся от непрошеного гостя и разбудил сам себя. От опьянения не осталось ни следа. Голова была чистой, хотелось есть, и никакой больше жалости.

– Все, хватит. Никаких больше соплей. Надо жить дальше.

Он спустился на кухню. Выгреб из холодильника все, что там было: засохший сыр, кусок колбасы на веревочке, пару вареных яиц и одинокую луковичку. Мелко все порубил, высыпал на сковородку и долго обжаривал, помешивая вилкой. Обедал он, сидя на ступеньке крыльца. Наслаждаясь долгожданной свободой и тишиной.

– Ну что, – потянулся Андрей, окончательно приходя в себя, – хозяин вернулся, пора наводить порядок.

Работать пришлось до самого вечера. Он подметал, мыл, чистил, ссыпал мусор в пластиковые пакеты. Чуть не грохнулся с табуретки, когда полез вытирать плафон на потолке. Снова мыл, расставлял посуду и бегал в магазин. Разделся до трусов и перестирал в старой гремющей машинке всю одежду – только бы отбить въевшийся казенный запах ЛИМБа. Сварил себе кастрюлю супа: он не слишком его любил, но сердце требовало, как знак по настоящей домашней еде.

К вечеру дом стал уютным и родным, словно Андрей никуда и не исчезал. Он принял душ, переоделся в еще влажную, но чистую одежду, и почувствовал себя окончательно свободным. Долго сидел на кухне. Ел, наслаждаясь каждой ложкой, курил и мечтательно строил планы на будущее. Главное, сейчас вести себя тихо. Найти работу, лучше всего удаленно. Регулярно отмечаться в ЧиКа. Ни во что не лезть. Забыть все, что было, и никогда не вспоминать.

Взгляд упал на коробку в углу. Откуда она? Ах, да, он сам задвинул ее во время уборки, чтобы разобраться позже. И совершенно забыл. Так, посмотрим, что у нас тут...

Андрей снял крышку и вздрогнул. Серая невзрачная картонка оказалась ящиком Пандоры.

Сваленные в беспорядке, там лежали вещи «Времени Чудес». Каждая могла пробудить сладкое воспоминание, с горьким привкусом случившейся после трагедии. Андрей стиснул зубы, отодвинул чувства в дальний угол и просто выкладывал содержимое коробки. Стараясь пропускать мимо всплывающие из памяти имена и лица.

Пачку исписанных листочков Андрей, не читая, перевязал отрезком шпагата. Эти заметки делал Илья, дневник опыта и лабораторный журнал сразу. Хотел передать другим группам, расположенным слишком далеко, чтобы общаться через эфир. Не довелось. И теперь уже не придется – нет никого, кто сумел бы применить на практике.

Плюшевый медвежонок размером с большой палец. Уже не вспомнить, кто подарил забавную игрушку. Когда-то она умела танцевать. И сейчас, наверное, смогла бы. Только надо было запустить в нее тонкий лучик пси-массы и повернуть как ключ. Но сделать маленькое чудо некому.

Глиняный колокольчик, чудом не разбившийся за эти годы. Если взять его двумя пальцами и легонько встряхнуть – можно услышать тихую мелодию, похожую на хрустальный звон. Подарок Белладонны. У нее был талант наделять вещи голосами. Она горстями дарила такие штучки знакомым. Ее гордостью был десяток стеклянных фигурок, поющих хором. А колокольчик она подарила ему за день до своего ареста. Будто чувствовала и прощалась.

Живой цветок, погруженный в стеклянный куб. Бутон плотно закрыт, но если коснуться его пси-массой, должен открыться. Единственная вещь, сделанная Теттой – у нее не было к ним таланта, как у Белладонны. И этот сувенир девушка сделала специально для него, надеясь, что он оценит, обратит внимание... Вот только Андрей как раз увлекся другой психеей – Алисой. Идиот.

Дешевый пластиковый компас. Красная стрелка под треснувшим стеклом. Показывает, как и положено, на север. Но отклоняется, когда рядом шумит в эфире активный психот. Его сделал парнишка со странным прозвищем Святец, еще в самом начале «Времени Чудес». Тогда компас выглядел, как ненужная безделушка. Но если бы позже попал в руки ЧиКа, стал бы разящим оружием. Андрей ужаснулся от такой мысли и чуть не отбросил страшную безделушку.

Андрей рассмеялся, вытащив из ящика очередной экспонат – черные кружевные трусики. Смешной сувенир на память об одной ночи. Он только-только вышел в эфир. Могущество пьянило голову почище спирта. Он полюбил летать на тропические острова, название которых уже не помнил. Зачем билет и паспорт, если он может сесть в самолет, показав обычную газету вместо документов? Стюардесса услужливо проводит на свободное место в бизнес-классе, а во время полета пригласит на экскурсию в кабину пилотов. Зачем учить языки,

если он и так видит, что творится в головах людей? В одну из таких поездок он увидел на пляже девушку. Оливковая кожа, точеный профиль греческой богини, кудри падают на плечи водопадом. Он хотел потянуться к ней серебряной паутиной пси-массы, как вдруг девушка сама подошла к нему. Ночь была наполнена горячим дыханием, стонами и прикосновениями. Под утро Андрей заснул, положив руку на ее плоский живот. А проснулся один. На подушке остались записка и эти трусики. «Сеньору с такими глазами не стоит стесняться знакомиться с девушками», – перевел ему бармен текст на листочке и понимающе подмигнул. Андрей смеялся тогда, собираясь побывать здесь еще раз. Но во время полета домой впервые задумался – не бесчестно ли внушать страсть к себе? Увы, мысль тогда так и не была закончена, а потом было поздно.

Он отложил трусики, заглянул в ящик и отшатнулся. На дне лежала ядовитая змея – детский водяной пистолет. Если бы его нашли комиссары ЧиКа при обыске – он не доехал бы даже до ЛИМБа, пройдя по «ликвидационной» статье. Игрушечное оружие было поделкой Хмыка, старого одноглазого майора. Такие страшные штуки он принялся клепать после первых арестов. Даже сейчас, под блокатором, Андрей чувствовал покалывание рукоятки от вложенной в пистолет пси-массы. «Направляешь на человека, жмешь курок и говоришь «пух!». И все, получаешь дебила, пускающего слюни. Отбиться хватит, а там еще что-нибудь придумаем», – как в живую слышался хрипчатый голос Хмыка. Его так и не смогли взять, положили кучу народа, плюнули и просто сожгли заживо, расстреляв избушку, где прятался вояка, зажигательными.

По спине пробежали мурашки-страхи. Андрей запихнул опасные сувениры обратно в коробку и судорожно оглянулся по сторонам в поисках зажигалки. Сжечь все немедленно! Нельзя хранить такое! И тут же устыдился. Эти вещи были последним напоминанием о психотах, которых уже нет. Талант «делать сущности» был редчайшим даром среди психотов. Уничтожить коробку от страха, значит расписаться в предательстве и погубить их наследие. Значит, Илья был тогда прав...

Черные пакеты для мусора нашлись в шкафчике под раковиной. Натянув на коробку штук пять по очереди, Андрей как шелкопряд замотал сверток скотчем в несколько слоев. Взял фонарик и вышел в темный ночной двор. В дальнем конце участка лопатой расковырял старую кучу прелых листьев и мусора. Вырыл ямку и положил замотанную коробку. Закопал и засыпал развороченную кучу обратно. Все. «Время Чудес» для Андрея окончательно ушло. Ему осталось только отмыть руки от гнили и не вспоминать об утерянном.

«Искушение собой», часть 3. Два года назад

– Нам надо развестись.

Светка сказала это просто, самым обычным тоном. Как будто предлагала помыть посуду или вынести мусор. Андрей поднял взгляд, от неожиданности не зная, что ответить. Она отодвинула от себя тарелку с недоеденной котлетой и в ожидании крутила в руках вилку. Выглядело угрожающе.

– Что?

– Не притворяйся, ты все слышал. Нам надо развестись.

– У тебя кто-то есть?

– Андрей, ты последние полгода, с той нашей ссоры, вообще ничего не видишь. Замкнулся, все время о своем думаешь, мы уже сто лет никуда не выбирались. Кто я для тебя? Предмет мебели? Домохозяйка? Ты даже сексом занимаешься, как одолжение делаешь. Это невыносимо.

Он грустно улыбнулся. Скривился, как от зубной боли. Светка поняла это по-своему. Положила вилку и, сложив руки на груди, откинулась на спинку стула.

– Ну да, у меня кое-кто есть. И что?

– Ничего.

Андрей пожал плечами. Ему вдруг сделалось противно. Над переносицей, посреди лба, как будто просверлили дыру, куда задувал холодный сквозняк.

– Тогда подай заявление сама.

– Это все, что ты скажешь?

– А надо? Что-то изменится?

– Нет.

Светка чуть обиженно поджала губы.

– На твою квартиру не претендую. А машину я заберу. На нее мои родители...

– Забирай.

Он отвернулся к окну. Закурил, нарушая уговор не дымить на кухне. Светка ушла в комнату и долго чем-то гремела и хлопала дверцами шкафа. Андрей молча пялился на листья за стеклом, стряхивал пепел в кофейную чашечку и ни о чем не думал. Было гадко, противно и очень себя жалко. Впрочем, последнее чувство он изо всех сил гнал от себя. Поздно. Надо собраться, дать пинка и начать все заново.

– Закрой за мной, – крикнула от входной Светка.

Два чемодана уже стояли в прихожей.

– Остальное потом заберу.

– Давай помогу.

Пока он тащил багаж и запихивал в машину, Светка молчала. И старалась не встречаться с Андреем взглядом. Но перед тем как сесть за руль, жалобно посмотрела на него.

– Прости. Я больше не могу с тобой. Ты изменился. Я не понимаю тебя. Прости.

Светка потянулась к нему, коснулась. Андрей дернул плечом, сбрасывая ее руку.

– Не за что извиняться.

Не желая продолжать разговор, он развернулся и, не прощаясь, пошел домой.

* * *

Развод что-то сдвинул в нем. Как под темной, напитанной влагой землей пришло в движение брошенное зерно. Незаметно внешне Андрей менялся, превращаясь в иное существо. Отношения на работе разваливались – он появившимся чутьем знал, когда человек лжет, таит

злобу, гадит исподтишка. Ходить туда стало невыносимо. Он возвращался вечерами домой, и квартира впивалась в него стальными зубами: все напоминало Светку, а соседи бесили одним своим присутствием за стеной. Бывшую жену он видел несколько раз в городе с мужчиной старше нее лет на десять. Отчего настроение портилось еще больше.

Внезапной отдушиной и единственным человеком, с которым Андрей был откровенен до конца, стала Светкина мама. Марья Алексеевна, которую он ни разу не называл тещей. Она звонила, интересовалась делами, заходила на чай, принося с собой то котлеты в пластиковом лотке, то банку с борщом. Андрей рассказал ей все, а Марья Алексеевна поверила. Пройдет несколько лет, будет и радость «Времени Чудес», и кошмар бунтующей пси-массы, гнилые доски в камере и первые ожоги блокатора. И как вспышка молнии – мама Марья, приехавшая к Андрею в ЛИМБ. Как она выбила свидание? Маленькие, чуть зачерствевшие пирожки, разломанные пополам при досмотре, покажутся Андрею манной небесной. Четыре блина с творогом, свернутые трубочкой, как он любит, она заставит съесть прямо в комнате встречи. Она будет плакать и жалеть Андрея. А он будет врать, что все нормально и можно жить. Оба будут притворяться, что верят в эту ложь... Марья Алексеевна не доживет до возвращения Андрея, и ему в ЛИМБ придет единственное письмо от Светки с горькой новостью. Но это будет потом.

Гордиев узел он разрубил одним движением. Написал заявление «по собственному» и позвонил знакомой риэлторше. Она заглянула к Андрею на следующий день, шумная, многословная, улыбчивая, с близорукими глазами акулы. Бегло осмотрела квартиру и согласилась на жертвоприношение в виде чая с тортиком.

– Твою я сразу продам: рядом с центром, ремонт нормальный. Не проблема вообще. А что ты хочешь взять?

– Дом. Где-нибудь на окраине, в тихом районе. Чтобы поменьше соседей.

– Надо подумать. Кажется, что-то было...

Она вытащила из сумки толстую тетрадь и зарылась в записи. Андрей наблюдал за ней, пряча улыбку. К ней даже Светка его никогда не ревновала – чувствовала, что мужиков она рассматривает только через призму «можно ли ему втюхать недвигу». Страсть делать бизнес, возведенная в абсолют.

– Поехали. Есть один вариант, лучше ты сразу посмотришь.

Дом оказался старым, с отваливающимися обоями внутри, захлавленной мансардой под крышей и заброшенным огородом на заднем дворе. Но Андрею он показался старым другом, которого не видел много лет. И смешная, почти дармовая цена.

– Только для тебя, – подмигнула риэлторша, – он уже год продается, никто не берет.

– Беру.

Андрей подмахнул договор не глядя. От продажи квартиры оставалась приличная сумма. Треть ушла на ремонт дома. Часть Андрей вложил в автосервис однокурсника. А на остаток купил велосипед, перевез барахло и закатил новоселье. На празднике была Хельга: она выпила больше, чем следовало, и намекала, что может остаться у него ночевать. Андрей сделал вид, что не понял экивоков.

Прошло дней пять или семь, когда Андрей проснулся со странным ощущением. В круглое окно било яркое солнце и щекотало горячим лучом правое ухо. Но что-то было не так. Не хватало какой-то части, которую заполнила сосущая пустота. Он долго лежал, глядя в потолок, мысленно устроив себе обыск. И наконец, рассмеялся, найдя пропажу. Это ушла затянувшаяся депрессия, преследовавшая с момента развода. Хотелось жить, смеяться и делать тысячу дел сразу.

Следующую пару недель он жил с крыльями за спиной. Приводил в порядок дом, приглашал в гости старых знакомых, флиртовал с незнакомками. Мир блистал тысячей красок. Казалось, началась новая жизнь, прекрасная и удивительная. Андрей ошибался, крышка ящика с чудесами еще даже не приподнялась.

* * *

В этот день у Андрея были гости. Жарили шашлык во дворе, о чем-то спорили, не заметив, опустошили несколько бутылок вина и разошлись далеко за полночь. Посадив последних гуляк на такси, Андрей вернулся в дом. Спать не хотелось. Он включил на кухне телевизор, налил себе чаю и сел в любимое кресло. Расслабился, прикрыл глаза и сам не заметил, как задремал.

На мягких кошачьих лапах вокруг дома ходит Звездноглазая Тишина. Заглядывает в окна, скребет когтями по стеклу. Распахивает дверь и заходит. Становится за спиной и кладет на виски холодные ментоловые пальцы. Андрей откидывает голову назад, вдыхает запах специй и дыма. И проваливается внутрь самого себя.

Они стоят на широком балконе одной из «башен духа». Колокола, тревожно звонившие в первый заворот, теперь глухо молчат, раскачиваясь под ударами ветра. Башни, с виду крепкие, беззвучно осыпаются песчаными замками. Звездноглазая спутница берет Андрея под руку и ведет вниз. Он оглядывается – лестница за спиной разлетается пылью.

Мимо летят анфилады залов, раньше наполненных стрекотанием и танцем цифр. Ныне огромные счетные машины молчат. Нечего больше исчислять. Все измерено и взвешено. Под каблуками хрустят стеклянные числа.

Лестница в подвал, наполненная жидкой тьмой. Там, невидимый и страшный, их встречает Зверь. «Оно», вышедшее проводить Андрея в далекий путь. Чудовище трется о ногу, как кошка. Шерсть его шелковая и холодит кожу. А ступени ведут все глубже и глубже. Туда где нет слов, образов и чувств. Только непоколебимые столпы Голода, Страх и Жизни держат тяжелый каменный свод.

Путешествие заканчивается. Они у подножия механизма, ошетинившегося блестящими шестернями. Короткие молнии пробегают по нему, наполняя воздух запахом грозы. Звездноглазая указывает на красный рычаг и грустно улыбается.

– Я предложу тебе выбор, Странник.

Голос Звездноглазой, как серебро, просыпавшееся на бархат.

– Ты можешь оставить все, как есть, и вернуться обратно. Ходить, не различая свет и тьму. Или выбрать иную дорогу. Там, где огонь и ветер. Но на ней с тебя спросится тысячекратно. Выбирай, Странник!

Андрей не раздумывает. Один шаг, одно движение, один сдвинутый рычаг.

Механизм трясется от спазма. Шестерни приходят в движение. С гулким скрипом вздыхает мироздание. В потолок пещеры бьют сияющие клинки света.

– Я не сомневалась в тебе.

Звездноглазая целует Андрея. Ее губы холодны, как осенняя ночь.

Она отступает на шаг и заносит руку. С размаху вонзает пальцы в грудь Андрея.

В ее глазах стоит смех.

Андрей кричит, когда она сжимает его сердце.

* * *

Х-р-р-р-р! Он испугался страшного звука. Х-р-р-р-р! Спокойно! Это всего лишь его собственное дыхание. А сам он лежит, свернувшись эмбрионом на полу. Холодно, как же холодно! Андрей попытался встать и не смог. Ноги отказывались держать. Он падал, снова вставал и снова падал. Как умирающий пес, ползущий домой, Андрей ковылял на мансарду. Червем забрался по лестнице. Вскрабкался на диван, замотался в шерстяное колючее одеяло и затих. Утренние сумерки разливались по комнате. Он заснул.

Кажется, он умер тогда. Через трое суток кто-то другой сделал хриплый вздох, там, на диване, под двускатной крышей. Разведенного молодого мужчины, знакомого со странной женщиной Хельгой, пережившего два заворота, больше не существовало. Кто-то незнакомый и странный поднимался из небытия.

Сознание возвращалось, медленно накатываясь волнами. Первым вернулось зрение. Над ним проступили из темноты деревянные балки. Мазок за мазком они обретали плоть. Вот рисунок почти готов, художник встряхнул холст, придавая картине глубину и резкость. Приходит слух, словно ручку громкости повернули от нуля до полной мощности. Шорохи, крики птиц за окном, тяжелое дыхание. Мир принимает Андрея обратно. Но кроме него, есть еще нечто. Спектры эфира.

Во рту было сухо, как в пустыне. Андрей пошарил рукой на полу. Мятая пластиковая бутылка тычется в руку. Всего несколько глотков, и становится легче. А вокруг океанским прибоем шумит эфир. Тысячи голосов, далекие и близкие, шепчут каждый о своем. Гудит лоб над переносицей – «третий глаз», настраиваясь, как приемник, перебирая весь спектр.

Низкий гул, наполненный бурлящими чувствами. Рычание зверей и самые простые образы. Еда, голод, страх, желание... Чистые, без примесей. Это нижний спектр эфира. Океан бессознательного всего живого. Безлико и чересчур страшно. «Болото» – так назовете вы его позже.

Шепот бесчисленного хора голосов. От басов к альтам и сопрано. Мысли; кусочки воспоминаний; тонкие струны связей через пустоту; сияющие костры разумов в бескрайней степи. И стоит лишь потянуться – и можно отправиться в бесконечное странствие по мирам человеческих сознаний. Средний спектр эфира. «Великий базар». Не перейти вовек.

Сияющая пропасть, наполненная ветром. Где парят странные сущности, коим вы не сможете дать названий. Свет, давящий на плечи, не дает вам, зрячим, но бескрылым, понять верхний спектр эфира. Только иногда самые бесстрашные будут нырять сюда. Горние выси. «Ирий».

Ошеломленный, Андрей бежал от «Болота», брел через «Великий базар», срывался, на мгновение заглянув в «Ирий». Робкий путешественник, только ставший на дорогу в неизвестность. Еще не зная, что «вышел в эфир». Больше не будет заворотов. Мучительный процесс обращения в психота закончен.

«Каждый стал больше, чем человек, – скажет Андрею в далеком будущем Захаров, сидя на краю грубых деревянных нар. Грустно усмехнется и добавит: – Но не богами, хотя решили, что ими. За что и поплатились».

А сейчас Андрей с трудом встал. Тело было холодно, как лед. Все кости ломило, в горле стояла сушь, распухший язык, тяжелый и неповоротливый, был неспособен сказать ни слова, глаза слезились даже от неяркого света. Одежда и простыни пропитались липким противным потом.

Сбросив одежду, Андрей спустился на первый этаж. Залез в душ и долго хлестал себя горячими струями воды. Кожа уже горела, но по костям еще бродил холод. Растеревшись полотенцем, Андрей завернулся в одеяло и, шлепая босыми ногами по доскам пола, пошел на кухню. Чайник долго шумел и, наконец, тоненько дзинькнул. Не чувствуя кипятка, он глотал жиденький чай, ощущая, как оплывает стылой водой айсберг, поселившийся внутри. От пяток вверх к темени побежали мурашки.

– Приснится же такое, – Андрей сказал вслух, не веря в слова.

«Да, да, я тебе снюсь. Правда, здорово?» – отвечал бушующий вокруг эфир.

Допив чай, Андрей вернулся на мансарду. Сдернул простыни, рухнул, как был, и заснул. Самым обычным сном. Без сновидений и путешествий в эфире.

Еще целые сутки он приходил в себя. Спал, ел и снова спал. И не прикасался к эфиру, инстинктивно отгородившись от него стеной «я не готов». Но силы возвращались, и голоса трех спектров звали все настойчивее.

Окончательно вернувшись в реальность, Андрей занялся домашними делами. Навел порядок, приготовил еды на несколько дней, закинул в стиральную машину все грязное. Он сутился по хозяйству, оттягивая момент, когда останется один на один с эфиром. Не от страха, но от сладостного предвкушения великой тайны.

Все было переделано, и Андрей поднялся на мансарду. Кинул на пол старый матрас, лег на спину и закрыл глаза. Вдохнул так глубоко, как смог, и отдернул занавесь, открываясь эфиру.

Долгие часы он странствует по новой реальности. Через «Великий базар», от одного человека к другому. Пробует на вкус их горечь и радость, пропуская чужие мысли, как монеты сквозь пальцы. Мужчины, женщины, дети. Иногда Андрей заглядывает в чужие сны, но там царствует «Болото» вышедшее из берегов. Он бежит дальше и дальше. Порой срывается, выпрыгивает в «Ирий» и повисает пылинкой в луче света. Падает и снова летит через пылающий красками эфир. Пока не приходит время оказаться дома в собственном теле.

Это похоже на запой. Андрей ел, спал несколько часов и снова нырял в омут спектров. Ничего больше его не интересует. Эфир становится домом, любовницей и воздухом, без которого не выжить.

Город виделся, как ночью с самолета: клякса желтого света, мерцающая елочной гирляндой. Если приглядеться, можно разглядеть каждый отдельный фонарь. Это было прекрасно и чарующе. До той ночи, когда он увидел вспышку.

На западной окраине полыхнуло радугой. От земли до неба. Смешалось водоворотом. Блеснуло сверхновой звездой. И осталось сиять ослепительным, самым чудесным светом.

Андрей, пораженный увиденным, застыл. Зачарованно следил за игрой огня. Мерцал вместе с неведомым в такт. А затем потянулся туда, как мотылек на огонь. Он не сразу понял, что видит. Но осознав, вспыхнул сам. Это новый психот вышел в эфир. Такой же, как Андрей.

– Здравствуй, – сказал он не словами.

И протянул открытые ладони к новорожденной звезде.

– Дай руку, и я покажу тебе этот новый мир.

Горячие, как снег, лучи доверчиво прильнули к нему. Краткое одиночество первого психота кончилось. С каждым днем людей эфира становилось все больше.

«Блудный пасынок», часть 4. Сейчас

Утром Андрей старался не вспоминать о коробке и ее секретах. Быстро позавтракал и отправился в город. На остатки денег купил телефон и подключился на самый дешевый тариф. А затем набрал номер, который помнил наизусть. Единственный родственник, с которым сохранился контакт после смерти родителей.

– Слушаю, – голос в телефоне, тяжелый и густой, был по-начальственному нетороплив.

– Павел Степанович, добрый день. Это Андрей. Андрей Вереск.

– Андрюшка? Серьезно? Ты?

– Это я, честно. Приехал.

В трубке замолчали. Секунд десять слышалось только дыхание.

– Помнишь сквер, где твой отец любил гулять? Там, через два часа.

Короткие гудки. Андрей улыбнулся: дядя был в своем репертуаре. Если сохранилось еще и доброе расположение к племяннику – будет замечательно.

На встречу он прогулялся пешком, чтобы убить время и не тратить последние гроши. Никаких сбережений у него нет, а устроиться на работу еще неизвестно когда получится.

Дядя опаздывал. Андрей уже минут двадцать сидел на лавочке, волнуясь, курил одну за другой и нервничал все больше. Старик передумал? Решил не светиться рядом с отверженным родственником? Просто задерживается? Андрей последовательно накручивал себя, не в силах остановиться. Все что ему нужно – немного поддержки, поговорить по-человечески, заткнуть дыру одиночества. Ни друзей, ни знакомых, ни родственников...

– Андрей!

Он вздрогнул от громкого возгласа. По аллейке к нему спешил высокий старик с выправкой гренадера. Андрей поднялся навстречу.

– Мальчик мой! Живой, слава богу.

Дядя крепко по-отечески обнял Андрея.

– Ты умница, вернулся. Садись.

Мимо их лавочки прошла гомонящая толпа девиц. Старик проводил их взглядом и повернулся к Андрею.

– Рассказывай, как ты?

– Нечего рассказывать, дядя Паш. – Андрей грустно усмехнулся. – Спекся ваш племянничек.

– Ерунда, мальчик, не ты первый, не ты последний. Главное, живой, остальное не важно. Трудности, они знаешь, только закаляют характер. Уж поверь старику. Мы с твоим отцом...

Дядя продолжал говорить, но Андрею вдруг показалось, что старик просто пытается заболтать его. Умело треплется, чтобы потянуть время. Он мотнул головой, отгоняя мысль.

– ...Давай помянем, чтобы ему в раю не жарко было.

В руках старика появилась стальная фляжка. Андрей поднес ее ко рту и запрокинул голову. Но только смочил губы – дорогой коньяк отдавал запахом бараков ЛИМБа. Старик тоже отпил и похлопал Андрея по плечу.

– Я в тебе не сомневался. Наша порода, правильная. В каком дерьме не топи – выплывем и навалием обидчикам.

– Поздно, дядя Паш. Нет смысла наваливать.

– Не раскисай. Давай еще по одной, за возвращение.

В этот раз Андрей все же сделал глоток. Но не почувствовал вкуса. А следом лицо дяди выцвело, потеряло цвет, стало черно-белым, как на старой фотографии, с черточками-царапинами на глазах.

Компенсация, говорил еще в ЛИМБе Захаров. Ощущается плохо, но может спасти жизнь. Потерпишь, говорил Захаров. Когда скованная пси-масса чувствует опасность, то пытается помочь. Не в силах достучаться до разума, она режет гамму ощущений, сигнализируя – берегись, сконцентрируйся! Такая вот загогулина, говорил Захаров.

Андрей судорожно огляделся. Они были одни в пустом сквере.

– Эх, был бы твой батя жив, может, и по-другому все получилось. Вдвоем бы тебя вытащили. А так... Развели вас, как щенков. Пару раз спровоцировали, наехали, вы и поплыли. Бери тепленькими.

Слова старика зацепили, дернули.

– Дядь Паш, погоди. Нас подставляли специально? Это...

– Забудь. Поздно что-то менять. Не надо копаться в грязном белье, там дерьма хватит всех закопать и сверху гору насыпать.

Не скажет – понял Андрей. Старый хитрец, окопавшийся в своем министерстве, знает очень много. Но делиться не будет, даже с племянником.

– Давай о тебе подумаем. Что делать собираешься?

– Не знаю. Хотел пока не высовываться, осмотреться.

– Правильно. Ты всегда умный был. Сиди тихо, ни во что не влазь. Обязательно устройся на работу, хоть грузчиком – чтобы тебе социализацию зачли. Никаких, даже случайных, контактов со своими. Понял? На километр обходи.

– Ага.

– Вот, на первое время. – Старик сунул ему в руки толстый конверт. – Считай, подъемные.

– Спасибо.

– Не за что. Я твоему отцу больше должен.

Дядя похлопал его по плечу и встал, тяжело опираясь о колени.

– Меня ждут, к тебе на обед только вырвался. Вот номер, – протянул он Андрею визитку, но в руки не дал, – запомнил? Это мой запасной. Будет тяжело – звони.

Андрей тоже поднялся с лавочки. Старик порывисто обнял племянника, крепко пожал руку и, не оборачиваясь, пошел к выходу из сквера.

Смотря вслед удаляющейся фигуре, Андрей чувствовал, как пси-масса отпускает кнопку тревоги. К зрению возвращался цвет, на языке появилось коньячное послевкусие. Оставалось только пожать плечами, сунуть конверт за пазуху и пойти в другую сторону.

* * *

Старика на выходе из сквера ждала машина. Водитель предусмотрительно распахнул дверь перед начальником.

– Куда, Павел Степанович?

– Обратно, Максим.

Развалившись на заднем сиденье, старик унял дрожь в пальцах и вытащил телефон.

– Аллю! Петр Арсенич, не побеспокоил? Как ты, будешь на юбилее? Ждем, очень ждем. Как обычно, да.

Он выслушал собеседника, качая головой и хмыкая.

– Распоряжусь, не волнуйся. Да, вот еще. Хотел тебя попросить: дай своим команду, пусть приглядят за моим племяншом. Да, тем самым. Поставь на него комиссара пожестче. Если дернется – обратно его, на зону. Хорошо? Ну вот и ладушки. Тогда ждем, до встречи.

Старик отключил телефон и полез в карман пиджака за таблетками. Страх и отвращение преследовали его с первого дня, как он узнал о психотах. Особенно нервировало, что одним из

них оказался племянник. И было очень жаль, что этот выродок слишком похож на покойного брата, а сроки в ЛИМБе недостаточно длинные.

* * *

Домой Андрей возвращался в приподнятом настроении. Да, осадок от встречи остался. Он ждал вовсе не короткого разговора на лавочке. Но карман грел пухлый конверт, и Андрей уже прикидывал, на что его потратит. Как же хорошо, когда не надо думать, где взять самое необходимое!

Погруженный в приятные мысли, Андрей зашел во двор своего дома. Оказалось, судьба любит сшибать влет тех, кто слишком радуется. На лавочке у крыльца сидел полицейский. Страж порядка напоминал колобка – пухлый, с широким лоснящимся лицом и животом через ремень. Фуражку он снял и положил рядом с собой, блестя на солнце гладкой лысиной. В одной руке полицейский держал бумажный кулек, а другой брал оттуда семечки и, как автомат, кидал в рот. Под ногами уже скопилась целая горка черной шелухи. Добродушный толстяк заметил Андрея и впился взглядом, как ржавыми пыточными крюками.

– А вот и хозяин!

Толстяк даже не подумал встать. По-хозяйски махнул рукой, подзывая ближе.

– Жду, жду, а тебя все нет. Гуляешь? Хорошее дело, полезно.

– Чем обязан?

– Добрый денек, м-м-м-м, – полицейский задумался, вытащил телефон и сверился с записями, – Андрей Викторович. Это ведь ты? Извини, я по-соседски зашел. Вижу, обживаешься, решил заглянуть, представиться, так сказать. Тралов я, участковый.

Колобок вытащил бордовые корочки, помахал ими в воздухе и спрятал обратно.

– Очень приятно, – Андрей изобразил приторную улыбку.

– Мусор, смотрю, у тебя, – ткнул толстяк пальцем в кучу из пакетов с хламом, оставшимся от уборки, – на помойку около школы относи. Не рядом, зато бесплатно. А к соседям не кидай, не любит народ, когда в их баки чужие бросают. Ты себе тоже закажи, для удобства.

Андрей нервно кивнул. При чем тут мусор? Или соседи успели пожаловаться?

– Вижу, ты человек опытный, так сказать, битый жизнью. – Тралов неприятно рассмеялся. – Надеюсь, проблем с тобой не будет. Прошлые жильцы плохо тут прижились. Шумели, водили непонятно кого. Соседи постоянно жаловались. А с тобой все тихо будет. Да?

Полицейский раздражал своей болтовней и едким взглядом. Не колобок, как показалось вначале, а надутая бородавчатая жаба.

– Я понимаю, только откинулся, душа праздника хочет и все такое. Понимаю. Но чтобы без бузы. Усек?

На секунду Андрею показалось, что вокруг снова ЛИМБ. Сердце трепыхнулось испуганной птицей.

– Давай, покажи документы, и пойду я. Тебя отмечу и сразу дальше. Вас много, а я один.

Андрей достал справку и протянул незваному гостю.

– Ага, все правильно. Чистый Комитет о тебе сразу предупредил. Всех вас под колпаком держат. И правильно, погуляли уже. А я за тобой прослежу, чтобы не шалил. А то не дай бог, конечно, не явишься на очередной укол, а мне беспокойство, нервы. Почему не проследил. Так что учти – если что выкинешь, сразу в Комитет докладную. Понял?

Глаза-крюки впились глубже.

– Да.

– Вот и молодец.

Не торопясь, Тралов прошелся взглядом по справке. Сфотографировал телефоном.

– Держи свою бумажку, Андрей Викторович. Насчет уколов своих не забывай. Если что, я напомним, записал твой график.

Участковый встал. На голову ниже Андрея, полицейский смотрел на него сверху вниз.

– Будут проблемы – заходи. Я через три дома от тебя живу. Разберемся. Я всем помогаю, должность такая. Ну, давай.

Тралов выкатился со двора, оставив после себя горку шелухи, кислый запах и совершенно испорченное настроение.

В сарае Андрей нашел ржавый совок и лысый веник. С чувством гадливости смел шелуху от семечек и выбросил в мусорное ведро. Протер скамейку, где сидел участковый. Пошел в дом и на всякий случай спрятал на мансарде под половицей конверт с деньгами. Сварил кофе, включил телевизор и долго пялился в экран пустым взглядом, пока не поймал себя на том, что мысленно придумывает остроумные ответы дураку-участковому.

– Нафиг!

Он шлепнул по столу рукой и через силу улыбнулся.

– Вот еще из-за всякой ерунды расстраиваться. Дел по горло, а я дурью маюсь.

Андрей запер дом и пошел к автобусной остановке.

* * *

Серое уродливое здание с вывеской «Автосервис» все также портило городской пейзаж на пересечении Ленина и Крупской. Этот географический анекдот не рассмешил Андрея. Сейчас ему надо было настроиться, проявить твердость и получить свое.

– Доброго, – кивнул Андрей мастеру в грязном синем комбинезоне. – Саша Вершинин тут?

– Саныч? Ага, в кабинете, наверху.

Металлическую лестницу на второй этаж не красили последнюю тысячу лет. Андрей только раз взялся за перила и потом долго отряхивал красную ржавчину с ладони.

– Тук-тук! – Андрей заглянул в приоткрытую дверь с табличкой «Директор». – Можно?

– Да, входите. – Голос был знакомый, тонкий, с чуть визгливыми нотками.

– Привет!

В захламленном кабинете на продавленном диване валялся директор собственной персоной. Александр Вершинин, он же «Хорек», бывший однокурсник Андрея.

– Что надо?

Сашка даже не соизволил встать.

– Привет, говорю. Не узнал?

– А... Ты что ли, Андрюха? Выпустили? Ну, здоров. Какими судьбами?

Андрей убрал со стула папку с бумагами и сел на него верхом.

– Шел мимо, решил зайти к старому другу, глянуть, как живет.

– А-а-а...

Хозяин кабинета поднялся, сел и уставился на гостя.

– Посмотрел? Ну и иди дальше.

– Кажется, тут была моя доля. А, Саш?

– Твоя? Была да сплыла. «Алексмонтаж» год назад ликвидирован за долги.

– Да ты что. Какая жалость. Только ты, Саш, директором остался, несмотря на смену вывески. И оборудование, как я видел, то, что на мой вклад брали. А доли моей нет. Как удивительно.

Сашка вскочил.

– Нет тут ничего твоего! Понял? Нет!

Лицо директора налилось кровью от крика.

– Вали на хрен, уродец!

– Спокойно, Хорек. Ты чего орешь? Я тебя по-хорошему спрашиваю.

– На хрен, я сказал! Пошел вон, грязный психот! Я ща ЧиКу вызову, понял? Скажу, ты мне угрожал, гаденыш. Хочешь еще на нары? Мигом тебе устроим. Встал и быстро свалил. Чтобы я тебя и близко здесь не видел.

Андрей встал, с ненавистью сверля бывшего друга взглядом.

– Ну ты и козел, Хорек.

– Ах ты!

Взбесившийся Сашка бросился на психота. Кулак мазнул Андрея по скуле, и он, почти не глядя, ударил в ответ.

– Сука!

Сашка упал спиной на диван, зажимая нос ладонью. Между пальцами сочилось красное. Он перевернулся, как жук, болтая лапками. Перескочил через подлокотник. Метнулся за тяжелый стол, отгораживаясь от Андрея.

– Все, тебе конец, гад. Теперь урою тебя.

– Деньги верни, урывец.

– Михалыч! – громко завопил битый директор. – Михалыч, бегом сюда!

– Прекрати орать. Верни деньги и мирно разойдемся.

– Хрен тебе, выродок! Михалыч!

– Уймись...

Договорить Андрей не смог. Сзади по голове ударили чем-то тяжелым. Он рухнул на пол.

– Получай, выродок, получай!

На него с двух сторон обрушились удары ногами. Били вдвоем: воспрянувший духом Сашка и ударивший сзади Михалыч.

– Прибью! Денег захотел он, урод. Хрена тебе, хрена!

– Хватит, – громыхнул басом голос Михалыча, – а то и правда убьешь. Успокойся, сам с ним разберусь.

Руки подхватили Андрея под мышки, поставили на ноги, потащили к выходу. Михалыч, низколобий, похожий на быка, выволок его через заднюю дверь, чтобы не видели клиенты. Прислонил к стенке, похлопал по щекам, приводя в чувство.

– Живой? Сам идти можешь? Не приходи сюда больше. Есть, кому за тебя сказать, – забей стрелку. Самого тебя грохнут и все. Понял? Давай, топай.

И он пошел. Чуть пошатываясь, утирая кровь с разбитых губ и молча. Сказать, даже самому себе, было нечего. Разве что «дурак», но это и так было ясно.

* * *

Андрей отсиделся на лавочке в сквере. Дождался, пока в голове окончательно прояснится. Выпил бутылку минералки, купленную в ларьке. Пересчитал все места, где болело после драки. Придумал десяток способов мести, признал, что ни один не подходит, и выкинул из головы. Разгорающийся пожар обиды Андрей грубо растоптал. Потому что смирение – единственный способ выживания психота.

Надо было ехать домой. Все еще раздраженный и расстроенный, Андрей решил прогуляться пешком. Куда торопиться? Его никто не ждет, занятий кроме телевизора нет, а пить было противно.

Город вокруг жил странной и непостижимой жизнью. Андрей чувствовал себя потерявшимся европейцем в джунглях Амазонии. За время, проведенное в ЛИМБе, он растерял чутье, которое позволяет понимать обыденную жизнь. В довесок сменилась мода, появились новые

гаджеты, расплозились грибочками новые мемы. Или, может быть, он просто одичал? И надо повариться в обычной жизни, чтобы снова стать «человеком»...

Навстречу, цокая каблучками, шла молодая женщина. Высокая, красивая, до боли знакомая.

– Светка!

Андрей шагнул ей наперерез.

– Светка, привет!

– Простите? – Она остановилась, смерила его долгим взглядом. – Мы знакомы?

– Не узнаешь? Это я, Андрей.

Он действительно был рад ее видеть. Пусть они разошлись, она долго была ему самым близким человеком. Да и сейчас в душе остались родственные чувства.

– Извините, я не помню вас.

Светка попыталась обойти его.

– Ты чего? Серьезно? Не узнаешь бывшего мужа?

– Мужчина! – Ее голос опасно полез вверх, грозя стать криком. – Отойдите. Я сейчас полицию позову!

Он сделал еще попытку задержать Светку и встретился с ней взглядом. Она узнала его, без сомнения. Но в глазах стоял его величество страх. Почти ужас. Отвращение. С таким же выражением она смотрела на заползшего к ним на кухню таракана.

– Простите, – отступил Андрей, – кажется, обознался. Вы очень похожи на...

Светка не дослушала. Почти бегом она бросилась прочь. Через каждые десять шагов оборачивалась, проверяя, не идет ли он за ней. Андрей смотрел ей в спину и чувствовал, как с грохотом внутри рушатся последние иллюзии. Он вернулся в никуда. Ни один человек не ждал психота, лишенного силы.

Уже в сумерках он добрался до своей улицы. Зашел в крохотный магазинчик, где за прилавком скучала продавщица в застиранном белом фартуке.

– Водка есть?

– Поздно уже, после двадцати двух не продаем.

Андрей устало вздохнул, положил на прилавок купюру и пододвинул к продавщице. Со значением подмигнул.

– А я не покупать. Бутылка на хранении с обеда.

Она рассмеялась.

– Так бы сразу и сказал.

Вытащила из-под прилавка пакет и с ухмылкой отдала. Сдачу она не вернула, посчитав законной добычей. Андрей не стал спорить.

Дом встретил его темными окнами и тишиной. Никто не ждал Андрея. Некому сейчас и, видимо, потом. Кто согласится жить с выродком-психотом? Он сел на крыльце, вытащил из пакета бутылку и открутил пробку. В нос ударило мерзким сивушным духом.

– С возвращением в реальность, – поднял Андрей тост, отсалютовал черному небу без единой звезды. И приложился к горлышку, усилием воли заставляя глотать отвратительное пойло.

«Ты зря рвешься на волю, – звучал в голове голос Захарова. – Ты, уж прости, или сопьешься или сорвешься с привязи. Хочешь жить – найди ради чего. Идею, мечту, что угодно».

Увы. Мечта о свободе осуществилась, а на замену ничего не нашлось. Мучительно захотелось обратно в ЛИМБ.

– Врете.

Он погрозил небу кулаком.

– Я найду, все равно найду.

Что именно, Андрей не мог сформулировать.

– Врете!

Недопитая бутылка полетела в темноту. Ему было противно и тошно от самого себя и одиночества. Даже напиться не вышло, как следует. За спиной маячил второй из предложенных Ильей вариантов.

«Искушение собой», часть 4. Два года назад

Их уже было тридцать шесть. Разные: на вкус ощущений, цвет пси-массы и яркость. Каждый вечер и всю ночь они встречались в эфире. Призраками парили над городом между «Великим базаром» и «Ирием», перекидываясь образами, мыслями и удивительными фантазиями. Но внешность незримых собеседников оставалась для всех загадкой.

«Нам надо встретиться, – бросает в эфир Илья, похожий на колонну изумрудного света, – не думаю, что ваши лица такая уж тайна».

«Поддерживаю», – перекидывает в ответ шаровую молнию мурчания Андрей.

Загадочная «Тетта» прикидывается облачком и уходит от ответа.

«Лучше в неформальной обстановке», – грозовой тучей ворчит Хмык.

«Шашлыки!» – бьет в ладоши размером с весь мир Белладонна.

«В субботу», – неожиданно шепчет дождем «Тетта».

«Лучше всего в лесу, на урочище. Я знаю там отличное место. – Илья встает над разговором, беря на себя роль лидера. Последнее время он делает так все чаще. – Возьму мясо и замариную. Кому что?»

«Мне куриный!» – Белладонна любит поесть и не стесняется об этом говорить.

«Баранина», – холодно сообщает Гектор.

Поднимается гвалт обсуждения меню. В эфире наперебой летят вкусовые образы, сочные, шкварчащие. Илья изображает мудреца с длинным свитком и гусиным пером. Андрей чувствует, что безумно проголодался. Коротко прощается и вываливается из эфира в реальность.

На часах было три ночи. В желудке ворочался голодный «червяк», требуя пропущенный ужин. Андрей спустился на кухню и соорудил бутерброд: тонкий кусок батона, листик салата, сыр, кругляш колбасы и ломтик помидора. Сделал кружку сладкого чая. Вдалеке прибоем шумел эфир – психоты спорили, выбирая меню для пикника.

«Вереск, – из эфира к Андрею потянулся Илья, – ты куда сбежал?»

«Поесть отошел, слишком вкусно обсуждали».

Илья смеется разноцветными искрами.

«Ясно. Ты сам-то придешь?»

«Обязательно. Я такое ни за что не пропущу».

«Хорошо. Можешь вина взять? Немного, для девушек».

Андрей согласно подмигнул Илье «третьим глазом».

«Без проблем».

«Приходи пораньше, поговорим до столпотворения».

«Лады».

Быстро доев поздний ужин, Андрей вернулся на мансарду и нырнул в эфир.

* * *

Он заблудился. Этот лес Андрей знал неплохо: не раз выбирался сюда на пикник; здесь, еще на первом курсе, бегал на «игре» с реконструкторами; просто гулял тут со Светкой. А сейчас потерялся и уже полчаса не мог найти место сбора.

«Ты уже рядом?» – прилетел от Ильи вопрос в образе бумажного журавлика.

«Почти. Только найду, куда идти от этого чертового оврага».

«Заплутал? – Илья хихикнул. – Сейчас включу тебе маяк».

Вдалеке вспыхнула звезда. Вместо света она испускала дружеское тепло, вкус горячего чая и запах костра. Когда Андрей смотрел в ее сторону, в середине лба чувствовался зуд – верный признак работы психота. Идти к маяку было легко и радостно.

На поляне у костра сидел мужчина под сорок. Волосы с проседью собраны в хвост, а лицо напоминает мученика с иконы.

– Привет.

Незнакомец обернулся на голос Андрея и расплылся в улыбке.

– Привет, Вереск. Я Илья.

Они пожали друг другу руки. Андрей скинул рюкзак и принялся вытаскивать бутылки.

– Вот, я принес.

– Давай их туда, в тенечек под дерево.

– Ага.

Выгрузив поклажу, Андрей присел на бревно. Вытащил из костра веточку с огоньком на конце и прикурил от нее.

– Хорошо, что быстро пришел. Наши только к роднику вышли, у нас есть время поговорить.

– О чем?

– Скажи... – Илья замялся, подбирая слова. – Ты чувствуешь *ее*?

Андрей удивленно-вопросительно поднял брови. Не в силах найти подходящее определение, Илья бросил в него плотный комок смысло-ощущений.

«Рычащий зверь. Химера: хвост змеи, лапы тигра, голова ящера, тело дельфина. Спрут, свивший гнездо в голове и выпускающий наружу щупальца, чтобы тащить из карманов прохожих монетки, обвивать людей и двигать ими, как марионетками. Бурлящая темная жидкость, похожая на нефть, в котле. Опасность и ураган».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.